

crime story
№3

Дарья ДОНЦОВА
Анна и Сергей
АНТВИНОВЫ
Татьяна
ПОЛЯКОВА

а также:

Анна Данилова
Дарья Калинина
Елена Логунова
Татьяна Лутанцева
Лариса Соболева
Наталья Солнцева
Мargarita Южина

**Татьяна Игоревна Луганцева
Наталья Солнцева
Дарья Донцова
Елена Логунова
Дарья Александровна Калинина
Лариса Соболева
Маргарита Южина
Анна и Сергей Литвиновы
Татьяна Викторовна Полякова
Crime story № 3 (сборник)**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180778
Crime Story №3: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34583-0*

Аннотация

Поклонники детективов получат огромное удовольствие, читая короткие криминальные истории, вошедшие в этот сборник! Любимые писатели – Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова и другие популярные авторы – по-прежнему верны себе: от их остросюжетных рассказов, как и от романов, просто невозможно оторваться!

Содержание

Анна Данилова. День рождения жены	4
Дарья Донцова. Неравный брак Синей Бороды	11
Дарья Калинина. «Горный шиповник»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Crime story № 3

Анна Данилова. День рождения жены

— Вы, насколько я понимаю, будучи разведены с женой, продолжали проживать с ней вместе, то есть в одной квартире?

Разговор длился уже около двух часов. Именно разговор, а не допрос, как ожидал Песцов. Он сидел перед следователем Ивлевым бледный, испуганный, и ему казалось, что все это ему снится. Его привезли в начале первого ночи сюда, совершенно невменяемого, посадили перед этим человеком в черном свитере и сказали, что сейчас начнется допрос. Он даже не помнил, кто это сказал. Но Ивлев не умел допрашивать. Он, устало вздыхая и морща нос, словно делая одолжение Песцову, спокойно задавал вопросы и, как казалось, почти не слушал ответов. Песцов нервничал. Из квартиры, откуда его привезли, унесли перед этим и тело его жены, Клары Песцовой. Он не помнил, как вызывал милицию. Он ничего не помнил. В памяти осталось только, как он вышел из своей комнаты и пошел в кухню, чтобы попить. И вот тогда первое, что удивило его, была тишина. Он знал, что у Клары гость. Вернее, не гость, а... Но это не имеет никакого значения. Главное – ее теперь не будет никогда. Никогда!

А это означало, что не будет и его – Лепешинского.

Они слушали Равеля. Они всегда его включали, если хотели, чтобы он, Песцов, не слышал ничего, что происходит за стеной. Слушали ненавистное ему «Болеро», которое – он хорошо это запомнил – уже достигло тех неистовых свистящих и орущих звуков фанфар, которые всякий раз выводили его из себя. Ему казалось, что в последующий момент он вывернется наизнанку вместе с квартирой и всем остальным миром, – настолько тяжела была ему эта музыка. Он не понимал, чего ради весь этот шум, эта безумная какофония. А перед этим он лежал у себя на диване и не знал, куда спрятаться от этой надвигавшейся на него безжалостной толпы взбесившихся музыкантов. Они шли полчищами, толпами, раздувая в апокалиптическом экстазе румяные от натуги щеки и раскачиваясь в такт ритмам этой бесчувственной стихии.

Да, он вышел из своей комнаты в кухню и подивился тишине. Диск, очевидно, закончился. Музыканты, истекая потом, уносили из квартиры свои раскаленные докрасна трубы, флейты, рожки, флажолеты и прочую свистящую дребедень.

В кухне по-прежнему пахло чесноком, черносливом и горелым жиром – это Клара жарила утку. Она праздновала свой день рождения. Сейчас стол был заставлен грязными тарелками, судками, помойное ведро ломилось от картофельной кожуры и лимонных корок.

Норковая шапка Лепешинского изысканно блестела холеным ворсом на вешалке, бросая невидимые блики величия на вислоухую беспородную шапку-ушанку самого Песцова. В прихожей пахло растаявшим снегом и влажной дорогой кожей лепешинских сапог.

Хотя нет, все было не так. Норковой шапки ведь уже не было. Но об этом знает только он один. Но было действительно очень тихо. Он даже не услышал, как хлопнула дверь. Хотя вполне могло быть так, что Лепешинский не ушел, а просто выглянул в прихожую, взял шапку, а потом опять вернулся к Кларе, чтобы, скажем, с ней распрощаться... И все-таки он ушел.

Шел третий год, как они были в разводе. Но супруги – правда, бывшие – продолжали упорно поддерживать самые дружественные отношения, дарить друг другу подарки на дни рождения и праздники, оказывать друг другу разные мелкие услуги. Никто не хотел нарушать эту видимость приличия и нормальности отношений.

Да, это был, пожалуй, единственный момент всей их совместной жизни, когда он мог себе позволить зайти к Кларе вот так, запросто, и поздравить ее с днем рождения. Что он и сделал. Он постучал, но, не получив ответа, вошел...

Клара сидела в кресле, поджав ноги. Она совсем маленькая, Клара, маленькая и очень хрупкая. Она вся целиком уместается в этом старом кресле. Черное бархатное платье, крохотные бриллианты в розовых пухлых мочках, тонкая, нежная, опутанная нитками хрустальных бус шея...

Нет, все было не так. Клара сидела в кресле, поджав ноги. В лаковую туфлю еще стекла кровь. Она струилась из-под ножа, погруженного по самую рукоятку в ее горло. Бусы и платье были вымазаны кровью, слышались слабые хрипы и жуткие булькающие звуки. Голова Клары чуть отклонена назад и покоилась на спинке кресла, глаза были приоткрыты. Казалось, она спала. Вот поэтому, наверное, и было так тихо.

* * *

– Вы утверждаете, что регулярно встречались с Лепешинским. Вы знакомы с ним?

– Да. Он непосредственный начальник Клары, и во время ее болезни он не раз приходил подписывать какие-то бумаги...

– Разве простого бухгалтера не мог никто заменить?

– В их конторе, думаю, нет. Лепешинский очень доверял ей.

– Вы подозреваете его?

– Смотря в чем... Бухгалтерского дела я не знаю, но вполне допускаю, что Клара помогала ему проворачивать какие-то дела... цифры...

– При вас они не разговаривали о работе?

– Нет, только в самых общих выражениях.

– Он мог убить Клару?

– Думаю, да, ведь они были связаны, кто знает...

– А вы могли?

– Что?

– Убить вашу жену?

– Клару? Видите ли, для этого нужна причина, а нас мало что связывало...

Ивлев некоторое время смотрел в пространство. Потом он набрал номер домашнего телефона.

– Таня? Извини, что разбудил. Я приеду примерно в пять. Да, свари кофе, будь другом...

Взглянул на Песцова.

– Илья Петрович Песцов, – проговорил он задумчиво. – Звучная фамилия, меховая... Скажите, Песцов, а что вы намеревались подарить жене – бывшей жене – на день рождения?

– С чего вы взяли, что я собирался ей что-то дарить? Мы в разводе, и это совсем необязательно.

– Да нет, это я так просто спросил...

– Бусы из хризолита. К серьгам.

– Вы успели их подарить?

– Нет. Я же рассказывал, что, когда я вошел к ней, все уже было кончено.

Ивлев как-то странно усмехнулся. Песцов не понял этой усмешки и добавил для ясности:

– Я оставил бусы где-то... на ночном столике у себя в комнате, наверное. Я правда не успел их подарить.

– Очень может быть, но бусы в квартире не нашли. Но это, собственно, и неважно. Хотите курить?

Песцов дрожащими руками схватил предложенную ему сигарету.

– Вы вели общее хозяйство? Клара помогала вам?

– Когда как. Первое время я старался ужинать только в кафе. Знаете, хотелось быть независимым. У нас в доме, на первом этаже, есть кафе. Там работает соседка, она-то и готовила мне яичницу и оставляла стакан сметаны. Обедал я на работе, в столовой.

– А как же в выходные?

– В основном готовила Клара, – сдался Песцов. – Понимаете, мы старались поддерживать хорошие отношения.

– А сегодня? Она не приглашала вас к себе?

– Нет! – Песцов даже привстал на стуле. – Сегодня у нее был Лепешинский! Естественно, что я старался почти не выходить из своей комнаты. Хотя мы и были в разводе, но мне казалось неудобным привести в квартиру женщину, в то время как Клара и Лепешинский меня не стеснялись...

– Тот нож, которым была убита ваша бывшая жена, вам знаком?

– Конечно, – Песцов нервничал, но старался говорить как можно спокойнее. – Это наш кухонный нож, я им постоянно режу хлеб, сыр, ну, там... Но я не убивал Клару! И если на ноже обнаружили мои отпечатки пальцев, это еще ни о чем не говорит!

Ивлев потянулся и покачал головой:

– Прошло всего несколько часов... Вы сильно идеализируете нашу оперативность. Отпечатки, если они и есть, будут готовы – самое раннее – завтра к обеду, и это еще в лучшем случае.

– У меня такое впечатление, что вы все знаете, – вдруг произнес скандальным голосом Песцов и раздавил окурков в пепельнице. – Если вы действительно знаете все, так, может, и мне расскажете, кто убил Клару?

– Что вы кричите? – зябко поежился Ивлев, так, словно его только что разбудили и прервали приятный сон. – Посмотрите на окна – ночь. Тихо. Все спят. Я бы тоже не отказался поспать... Но мне приходится беседовать с вами. Я действительно знаю, кто убил Клару, но до этого мы должны дойти с вами вместе. Вернее, вы должны помочь мне, поэтому давайте так: я задаю вопросы, самые разные и подчас неожиданные, к тому же очень быстро, а вы отвечаете. Вот и все. Это же не утомительно? К тому же я постараюсь задавать вам такие вопросы, которые будут интересны как мне, так и вам. Ну как, договорились?

Песцов насторожился, а потом махнул рукой: он понял, что другого варианта все равно не будет.

– Ваша жена хорошо готовила?

– Да, в этом плане мне повезло.

– Вы развелись из-за Лепешинского?

– Нет. Хотя кто знает... Клара всегда говорила, что у нас нет детей из-за меня...

– ... Но у вас есть внебрачный ребенок, и вы уверены в себе, – скороговоркой, морщась, продолжил Ивлев, после чего зевнул.

– Но я здоров! – воскликнул Песцов.

– И вы, конечно, не поддерживаете отношений с этой женщиной? – продолжал в том же духе мрачный Ивлев.

– Да, но откуда вам это известно?

– Да потому, Песцов, что никакого ребенка нет и не было, как не существует и этой женщины... Все это вы придумали для своих друзей, чтобы как-то оправдать развод... И мне еще врите, – закончил он почти обиженно. – Ивлев откровенно скучал. – Ваша жена хорошо вас знала?

– В каком смысле?

– Во всех.

– Тогда – слишком.

– Наверное, это вас сильно раздражало?

– Да, в некоторой степени. Понимаете, она превратила мою холостяцкую квартиру в некое подобие семейного рая, знаете, с теплыми тапочками, пирогами, наливочками и вечерним телевизором... Я не мог ничего сказать против – меня это обволакивало, засасывало... Клара мне даже руки глицерином от цыпок смазывала, а потом надевала мне специально сшитые для этого фланелевые варежки на резинках!..

– И вы, конечно, завели себе любовницу, – подытожил умный Ивлев.

– Конечно! – с жаром согласился Песцов, довольный, что его поняли как мужчину. Он расслабился и знаком попросил разрешения закурить. – Я же нормальный...

– Ваша жена не была вашей женой в полном смысле этого слова?

– Это сложный вопрос. – Песцов замер с сигаретой в руке. – Давайте я лучше расскажу вам про Катю. Мы работаем вместе, и это случается, как правило, в обеденный перерыв. У меня свой кабинет, и мы запираемся... – Песцов вспотел и вынужден был расстегнуть воротничок и ослабить галстук. – Видите ли, не у всех же дома все ладится. Так поступают многие мои приятели. Это не считается изменой.

– Вы любите Катю?

– В некоторой степени. Словом, я не собирался на ней жениться. Хотя на прошлой неделе она сказала, что беременна.

– Так почему же ваша жена не выполняла своих супружеских обязанностей?

– Как не выполняла? Я как сыр в масле катался! Я ведь не зря вам про варежки...

– Песцов, вы же взрослый человек... – У Ивлева было такое выражение лица, словно он готов был покрутить пальцем у виска и с трудом сдерживался, чтобы не сделать этого, и тогда Песцов понял и замолчал.

Ивлев подошел к окну. Стекла обледенели. Он представил, что через каких-нибудь полтора-два часа все закончится, и он со спокойной душой выйдет отсюда и медленно пойдет по этой заснеженной дороге домой. Подышит перед сном морозным воздухом, поднимется по лестнице, откроет дверь своим ключом и войдет в теплую прихожую, где его встретит Таня, размотает ему шарф, стряхнет с шапки снег и поведет в кухню, пить кофе... Он с трудом вернулся мыслями в кабинет и обратил свой взгляд на растерянного Песцова.

– Сколько лет вы знали Клару?

– Три года в разводе плюс год в браке. Итого четыре, – подсчитал Песцов.

– А где же еще полтора года, а? Или вам изменяет память? Должно получиться пять с половиной лет. Или вы уже совсем не помните, что произошло в 2001 году, в октябре? Событие, которое потрясло весь город? Нет? Ладно, отдохните минуточку, я пока допью свой чай, правда, он совсем остыл...

– Я подобрал ее на вокзале...

– Сначала расскажите, как и где вы познакомились с Лепешинским.

– Он месяц проработал в нашей фирме. А по выходным нас собиралось несколько человек, и мы у Лепешинского играли в преферанс... Знаете, пиво, карты – сугубо мужская компания. Он умеет отдыхать. Потом все как-то распалось, а мы продолжали оставаться приятелями...

– Вы сказали, что подобрали ее на вокзале...

– Да, она там, если так можно выразиться, работала...

– Вы не боялись заразиться?

– Я привел ее домой и заставил помыться. В тот вечер у нас ничего не было. К тому же она совсем обессилела от голода и упала прямо в ванной на пол... А на следующий день я

отвел ее к знакомому врачу. Он осмотрел ее, прописал уколы, и она некоторое время лечилась, а потом, через две недели, когда все анализы были готовы...

– Она была красивой девушкой? Брюнеткой, кажется?

– Да, у нее были черные волосы, коротко остриженные... Что-то еврейское было в ее губах и глазах... Я стал покупать ей красивые вещи, мне самому было это приятно. Правда, она первое время удивляла меня. Сказывались привычки. В тот первый день, когда я накормил ее, она разделась, представляете, и легла... Это было так дико! Я раньше никогда не имел дела с подобными женщинами.

– Вам показал ее Лепешинский?

Песцов замолчал. Он понял, что сказал лишнее.

– Кто устроил ее на работу? – не дав ему опомниться, спросил Ивлев.

– Никто, – растерялся Песцов. – Она сама.

– Что, прямо вот так, с улицы, и в бухгалтеры? Ведь Клара работала бухгалтером.

– Да, верно, – успокоился Песцов. – Она же окончила бухгалтерские курсы.

– Вы знали, что у нее никого нет, кроме бабки в Каменке?

– Знал.

– Вы не дальтоник?

– Нет, – насторожился Песцов. – А что?

– Вспомните, пожалуйста: вы зашли в комнату Клары, она сидела в кресле, так?

– Так! – Песцов весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово.

– Насколько я помню, ваша жена была в черном платье?

– Да.

– Какие украшения были на ней?

– Серьги, брильянтовые...

– Вы хорошо представили себе всю эту картину? Вот она сидит... ну?

– Я что-то не понимаю вас...

– Какого цвета были волосы у Клары?

– Рыжие! – уверенно воскликнул Песцов и облегченно вздохнул.

– Сколько раз за пять с половиной лет, как мы с вами насчитали, вы были близки со своей женой?

– Я собирался это сделать сегодня! – чуть не плакал Песцов. Он был, казалось, убит этим признанием. Со лба его стекал пот. Ивлев дал время ему собраться мыслями.

– Она ждала вас? Она хотела этого? Или, быть может, ей позволил Лепешинский?

– Она ждала меня! – закричал Песцов. – Когда я вошел и увидел ее, она сидела в кресле и была так соблазнительна, что я...

– Не понял, – Ивлев поднялся со стула, – с ножом в горле она показалась вам соблазнительной? Вы извращенец, Песцов! Вы не садист, случаем? Так что она вам сказала?

– Не кричите на меня! – Песцов зажмурил глаза и обхватил ладонями лицо.

– Тогда я скажу вам. Скорее всего, она не была настроена принимать вас вечером и постаралась объяснить вам это как можно более вежливо, но у нее, по всей вероятности, это не очень-то получилось...

– Она сказала, что он вернется!.. Он поехал отгонять машину в гараж, у нас совсем не оставалось времени... Она тоже была расстроена.

– Как вы думаете, Лепешинский догадывался, что Клара согласилась уступить вам?

– Я не знаю, – проговорил Песцов упавшим голосом. – В любом случае, она бы не сказала... Она сильно изменилась ко мне в последнее время. Лепешинский давил на нее, она тоже устала.

– Как скоро они должны были пожениться?

– Через три месяца. Он ждал развода. Они собирались за границу, хотя Клара уже не верила ему. Ведь сколько времени прошло...

– Куда вы дели тело убитой вами Люды Фроловой, которую вы по приказу Лепешинского подобрали на вокзале, отмыли и устроили к нему же в фирму кассиршей?

Песцов курил, опустив голову.

– Вот вы все говорите: фирма, фирма. А ведь правильнее было бы сказать – фирма-посредник. В 2001 году, если мне не изменяет память, Лепешинский должен был выплатить своим поставщикам за чернобурых лис и свинину более двадцати миллионов рублей. Я отлично помню это дело. Тело несчастной девушки, которая везла эти деньги из банка, до сих пор не найдено. Во всяком случае, до сегодняшнего дня...

Песцов вздрогнул.

– Шофер вахтовой машины, сидевший в тот день за рулем, был обнаружен в кабине с разбитой головой. Он ничего не помнил. Кто оглушил его – вопрос! Скорее всего, сама Фролова, которая сидела сзади.

Песцов попросил воды и залпом выпил целый стакан.

– Что же это вы, Песцов, запутались в своих женщинах? Оказывается, Люда Фролова – одна девушка, Клара – совсем другая. Одна – брюнетка, другая – рыжая. И еще говорите, что вы – не дальтоник! Люда была нужна вам, чтобы ограбить фирму и разбогатеть на пару с Лепешинским, так сказать, мозговым центром в вашем деле, а Клара – так, прихоть и давняя любовь Лепешинского, который в силу сложных семейных обстоятельств – мне это еще предстоит выяснить – не мог жениться на ней вначале, а потом и вовсе раздумал. Его вполне устраивало, что Клара живет под вашей охраной, на ваши средства и что встречаться он с ней может, когда ему заблагорассудится, не считаясь с вами. Он не учел только одного: что вы сможете полюбить свою «жену». Да и ей все это порядком надоело... Вы правильно подметили: она перестала верить ему... Он шантажировал вас... кладовкой...

Песцов не поверил своим ушам.

– Зачем вы убили Клару?

– Я не убивал ее!

– Я бы на вашем месте убил Лепешинского. Честное слово – в этом было бы больше смысла. Какая-то странная у вас логика, поэтому я так долго и распутывал этот клубок... Хотя, собственно, не так уж долго. Знаете, в чем ваша ошибка? Надо было кладовку несколько иначе переконструировать... А так сразу заметно, что она на два метра меньше... Я, например, сразу это увидел.

– Нет! – Песцов весь как-то съежился, подобрался, словно под стулом натекла лужа воды. – Я ничего не знаю!

– Знаете, кого вы мне напоминаете с этими дурацкими ужимками и фразами вроде: «Я ничего не знаю»? – передразнил он Песцова. – Бездарного актеришку! Сплошное позерство.

– Из-за этой кладовки я и женился, – заскулил Песцов. Он устал, и его сильно трясло.

– Обыкновенный шантаж. Дело ясное. Боже мой, как же это все тоскливо! Любовницы, шантаж, труп кассирши, убитой и замурованной в стене кладовки! Неужели вам никогда не хотелось плюнуть на все и уехать, исчезнуть с глаз этого гениального Лепешинского? И куда, кстати, вы потратили свои деньги? Ведь десять миллионов все-таки.

– Они дома. Я не мог их тратить с тем удовольствием, как тратил, скажем, свои премиальные. Мне постоянно казалось, что весь город знает, что это я убил Люду. В тот день, да, это было осенью, она прибежала ко мне возбужденная, бросила на пол брезентовую сумку и повисла у меня на шее. Потом из комнаты вышел Лепешинский, и мы принялись разрезать брезент. Мы обещали, что поможем ей уехать из города. Знаете, она нисколько не смущалась того, что сделала, и объяснила это тем, что лучше зарабатывать деньги вот так, нежели на вокзале, на заплеванном полу... Она ничего не боялась. Из кармана она достала молоток,

которым стукнула шофера. Лепешинский взял молоток в руки и, когда Люда склонилась над сумкой... ударил ее... Дальше было все как во сне. Мы разделили деньги. Люда все еще лежала на полу. Странно, но крови нигде не было. Когда мы проверяли, жива она или нет, Лепешинский сказал, что это здорово – не придется отмывать пол... Но когда поняли, что она мертва, Лепешинский сразу стал собираться. Ведь по плану мы должны были вывезти тело за город... Вот тут-то он и посоветовал мне замуровать ее в кладовке. Я, говорит, тебе завтра кирпичи привезу и цемент. Это, так сказать, мой вклад. Он и привез, ночью. Мы вместе перетаскивали все это ко мне. Потом он уехал... В квартире уже начали топить, и стоял такой запах... Я никак не мог поставить ее так, чтобы она уместилась в ширину. Тогда я придумал завернуть ее в мешковину. Она уже застыла... Я чуть не свихнулся! И тогда Лепешинский, боясь, что я сойду с ума или как-то выдам его, достал мне путевку в Югославию. А когда я приехал, он мне всучил Клару. Сказал, что так всем лучше будет...

– Клара ничего не знала о кладовке, о Люде?

– Нет, что вы!

– А куда вы собирались спрятать тело Клары?

Песцов долго молчал. Он почему-то успокоился, даже дрожать перестал и сник.

– Знаете, – начал он тихо, словно декламировал, разгоняясь, стихотворение, – мне казалось, что, если я войду в комнату во второй раз, она будет так же улыбаться мне, что она будет живая, понимаете? Да, она мне не грубила, нет, просто сказала, что Лепешинский может вернуться в любую минуту. А я пришел к ней с подарком, не бог весть с каким... – Песцов достал из кармана пиджака нитку хризолитов и осторожно положил ее на стол перед Ивлевым.

– Зачем вам понадобилось убивать ее?

– Он смотрел на меня из всех углов комнаты, смотрел и смеялся... Он стоял с раскинутыми руками и говорил мне, что он здесь хозяин, что ему принадлежит и Клара, и я... А ведь она ждала меня, а не его! Этот вечер должен был стать моим триумфом, если хотите, а он должен был вернуться с минуты на минуту и забрать у меня Клару... И тогда я понял, что если будет Клара, то будет и он.

– А как у вас в руках оказался нож? Вы пришли с ним? Вы уже знали, что убьете Клару?

– Да нет же! – с досадой воскликнул Песцов. – Я шел, чтобы подарить бусы и поздравить ее. Но когда она мне сказала, что он может прийти... На столике стояли фужеры, вернее, два фужера, один был еще с вином, он должен был вернуться и допить его... Я увидел сыр и сказал, что сто лет не ел сыра. Все произошло очень быстро. Просто я понял, что проиграл.

Ивлев посмотрел на Песцова, потом на часы: без четверти пять. Потом перевел взгляд на бусы и вспомнил женщину в кресле. «Да, подарок», – подумал он и начал собираться.

Дарья Донцова. Неравный брак Синей Бороды

Если хочешь быть счастливым – будь им. Не я придумала этот замечательный афоризм, но абсолютно с ним согласна. В жизни людей в основном происходят одинаковые события, мы все плаваем в одном житейском море, вопрос лишь в том, как относиться к тому, что с тобой случается. Для одной женщины ожидание ребенка огромное счастье, несмотря на отсутствие мужа, близких родственников, денег и жилья, она обожает еще не рожденного малыша и в конце концов преодолеет все испытания. Другая, сидя в трехэтажном доме в окружении заботливого супруга, хлопотливой мамы и нежной сестры, отодвинет от себя банку с черной икрой и заноеет:

– Боже! Я страшная, толстая, уродливая, меня тошнит по утрам! Из-за живота не могу поехать отдыхать на юг! Катастрофа!

И так девять месяцев подряд. А теперь скажите, кто из двух будущих мамаш счастлив? По логике вторая, но получается, что первая.

Я откинулась на спинку кресла. Автобус, мерно покачиваясь, завернул за темно-синюю гору.

– Сколько нам еще ехать? – капризно-обиженным тоном протянула пассажирка, сидевшая передо мной.

– Подожди, милая, – ответил мужской голос. – Через десять минут будем на месте.

– Ты говорил то же самое полчаса назад! – не успокаивалась тетка. – Отвратительная дорога. Серпантин. Если обратно придется ехать тем же путем, это сведет на нет все удовольствие от отдыха!

Я посмотрела в окно и зажмурилась, создалось ощущение, что большой пассажирский «Мерседес» завис одним боком над пропастью.

– Хочу пить, – громко заявила соседка.

Послышалось тихое шипение.

– На, дорогая, я прихватил с собой из самолета, – услужливо сказал муж.

– Фу, Андрей! – возмутилась капризница. – Ты в своем репертуаре! Жаден до мозга костей! Ну как можно брать газировку из лайнера?

– Почему нет, Олюшка? Стюард принес пару бутылок, я все не выпил, не оставлять же напиток? Кстати, билеты до Афин недешевые, в их стоимость входят еда и питье, которое пассажирам подают на борту. Авиакомпания не разорится.

– Жлоб, – коротко резюмировала жена.

– Вовсе нет, – без всякой агрессии ответил муж, – просто я хозяйственный. Надо думать о деньгах, а не разбрасывать их направо-налево. Право, глупо покупать минералку, если ее можно получить бесплатно!

– Я хочу пить! – противным голосом повторила Ольга.

– Угощайся, милая.

– Эту не буду!

– Но почему?

– Она из самолета! Протухла!

Я закрыла глаза. Однако у Андрея ангельское терпение. Эту парочку я заприметила еще в Москве, они тоже проходили через VIP-зал. Когда мы с Аркашкой и Марусей вошли в просторную комнату, где вежливо улыбающийся таможенник начал досматривать мой багаж, Андрей и Ольга уже находились там, сидели на диване в ожидании паспортного контроля. Я устроилась в кресле неподалеку от них, и дети начали раздавать мне указания.

– Мать, не забудь как следует намазаться кремом от солнца, – велел Аркадий.

– Мусечка, не выключай мобильный даже ночью, – приказала Маша.

Я покорно кивала, ожидая момента, когда объявят посадку.

– Будь осторожна с местной кухней, – напутствовал Кеша, – она специфическая, острая и может спровоцировать гастрит.

– Не заплывай далеко, – вторила ему Машка.

– Послушайте, я не впервые лечу к Наташке! У нашей баронессы Макмайер на Эгейском море собственный дом, у меня там есть личная спальня с ванной, до потолка набитой солнцезащитными средствами. В особняке служит повар, который готовит европейскую еду. Может, он ради экзотики и состряпает нечто из йогурта, чеснока, зелени, перца, баклажан и баранины, но в основном я буду лакомиться все той же куриной грудкой. Ей-богу, вам не о чем волноваться! – не выдержала я.

– Ты первый раз летишь одна в Грецию, – вздохнула Машка, – нам тревожно.

– Кое-кто обожает приключения, – нахмурился Кеша, – наверное, следовало отправить с тобой Оксану!

– У нее ремонт! – воскликнула я. – И потом мне же не десять лет! Я давно справила совершеннолетие!

Маруся тяжело вздохнула, а Аркадий тихо буркнул:

– Ты полагаешь?

– Хватит грызть мусечку, – остановила Маня брата, – в конце концов одна она будет всего несколько часов в самолете! В Афинах ее встретит Наташка.

– Действительно, – подхватила я, – давайте лучше чаю попьем!

Кеша поманил официантку, и мы стали наслаждаться вкусным напитком, невольно слушая, как пара, сидевшая на соседнем диване, выясняет отношения. Вернее, муж помалкивал, а вот жене все было не по вкусу. Дама безостановочно капризничала, требовала одновременно чай, кофе, колу, компот, страдала от жары и холода, хотела есть, спать, читать.

– Иногда человека так закалит семейная жизнь, что он перестает бояться загробной, – заявил Кеша, косясь на дамочку.

– Очень надеюсь, муся, что ты не окажешься с ней рядом в самолете, – шепнула мне на ухо Машка, – жуткая зануда! Такая всю дорогу испортит.

Увы, Машкины надежды не оправдались. Мое место оказалось около окна, а по левую руку села та самая невыносимая тетка и всю дорогу шпыняла своего терпеливого мужа. Перед посадкой в Афинах у меня заболела голова, и я с огромным трудом сдержала желание спросить у несчастного Андрея: «Скажите, какое успокаивающее вы регулярно принимаете? Наверное, это замечательные таблетки, раз они помогают выносить столь занудную спутницу жизни».

Не успела я сойти с самолета, как раздался звонок мобильного и Наташка простонала:

– Дашута! У меня мигрень!

– Бедняжка, – сочувственно сказала я, – ложись в кровать.

– Я не сумела тебя встретить! По серпантину с большой головой не рискнула ехать. А шофер позавчера уволился!

– Ерунда! – бойко воскликнула я. – Сейчас автомобиль найму.

– Лучше садись на автобус, – перебила Наташка, – местные таксисты экстремальщики, несутся по горам сломя голову, а транспортная компания нанимает опытных водителей. Иди на площадь, тебе нужен девятый маршрут, его конечная в двух шагах от моей виллы.

Я пошла в указанном направлении, без особых проблем села в здоровенный «Мерседес» и через десять минут дороги поняла, что моя подруга была права. Машины с надписью «taxi» летели мимо медленно плывающего автобуса как сумасшедшие, их слегка заносило на крутых поворотах. Сиди я в одной из легковушек, давно бы заработала инфаркт. А так, если не смотреть в окно, путешествие до маленького городка на Эгейском море могло даже

показаться приятным. Вот только противная зануда Ольга и ее воспитанный муж вновь очутились рядом, теперь они сидели передо мною.

Я засунула в рот мятную конфетку – в любой, даже неприятной ситуации можно найти положительные моменты. Теперь я не вижу надутого лица Ольги. Правда, прекрасно слышу ее голос.

– Хочу в туалет, – в очередной раз закапризничала баба.

– Милая, потерпи, – ласково попросил муж.

– Не могу! Останови автобус.

– Здесь одни горы, – логично заметил Андрей.

– Найди лес! – потребовала жена. – Прямо сейчас!

Я улыбнулась, потом мне стало любопытно: интересно, как мужчинаотреагирует на последнее заявление?

– Солнышко, – недрогнувшим голосом ответил Андрей, – думаю, скоро будет заправка, при ней непременно есть туалет.

– Платный, – язвительно уточнила жена, – тебе придется потратить драхмы!

– Это оправданно, – засмеялся супруг.

Автобус резко повернул вправо и стал притормаживать.

– Ну? Что я говорил? – обрадовался муж. – Сейчас ты сможешь привести себя в порядок.

– Я хочу поспать, – грубо ответила Ольга и встала.

Скандалистке удалось растолкать остальных пассажиров и первой выскочить из «Мерседеса». Я видела в окно, как дама торопится к небольшому магазинчику, очевидно, у нее было свое понятие о красоте, потому что, в отличие от других людей, одевших в дорогу джинсы и кроссовки, Ольга нацепила узкую, вызывающе красную, слишком обтягивающую бедра юбку из какого-то блестящего материала, розовый топик, щедро осыпанный стразами, и ярко-красные туфли на высоченном каблуке, на руке у нее покачивалась объемная модная сумка из бежевой лаковой кожи.

Я не стала выходить из автобуса, небольшая площадка у заправки была раскалена от солнца, лучше посидеть в прохладном салоне, поджидая, пока остальные пассажиры сходят в туалет и выкурят сигаретку. Четверть часа пролетели быстро, народ потянулся на свои места. Очень скоро на солнцепеке остался один Андрей. В отличие от жены он был одет в более подходящий для поездки костюм: легкие льняные брюки, бело-серую футболку и сандалии.

Шофер высунулся из окна и крикнул на ломаном английском языке:

– Сэр, нам пора отъезжать!

– Простите, пожалуйста, жена замешкалась, – отозвался Андрей. – А! Вот и она! Еще раз извините! Дорогая, автобус ждет!

– Не развалится! – гаркнула в ответ Ольга, приближаясь к супругу.

Шофер поднял стекло, и я перестала слышать женщину, но видела, как она отчаянно кривит рот, очевидно, выдает муженьку новую порцию гадостей. Ага, теперь мадам еще и размахивает руками, держит в правой рожек с мороженым, в левой банан и попеременно откусывает то от одного, то от другого... Андрей же стоит, опустив голову.

Внезапно что-то мне показалось странным, но тут Ольга стремглав ринулась в автобус, Андрей поплелся за ней.

– Уж и погодить пару секунд нельзя! – раздалось в салоне. – Расписание у них! Тьфу! Андрей! Хочу есть! Достань шоколад! Немедленно! Швейцарский! Горький! Живо!

Автобус плавно тронулся вперед, Ольга взвизгнула и наступила на ногу моей соседке, милой женщине, сидевшей у прохода.

– Ой! – тихо сказала та и огорченно уставилась на белую балетку, носок которой теперь украшала царапина.

– А нечего лапы разбрасывать, – обозлилась Ольга, – надо сидеть, поджав копыта.

Андрей умоляюще посмотрел на пострадавшую, та, как ни в чем не бывало, уставилась в яркий томик Смоляковой.

– Милая, не нервничай, – попросил муж, – садись к окошку, полюбуйся видом, сейчас достану конфеты.

– Не на что там глядеть, – забрюзжала скандалистка.

И следующий час я снова «наслаждалась» ее противным громким голосом. В конце концов нервы не выдержали, и я тихо сказала своей соседке, симпатичной женщине в зеленом сарафане:

– Ужасная особа!

– Она и в самолете скандалила, – шепотом ответила та, – мы вместе летели, и вы, кстати, тоже, я запомнила вашу сумку с фотографией мопса.

– Это Хуч, – засмеялась я, – дочь подарила мне на день рождения, заказала у мастера специально для меня.

– Прикольно, – улыбнулась женщина, – а вы в какую гостиницу?

– Еду на виллу «Афина», – пояснила я, – в гости к подруге.

– Здорово, – сказала женщина.

– Любите Смолякову? – улыбнулась я.

– Обожаю, – кивнула соседка, – уже самый конец, а непонятно, кто убил! Она всегда держит в напряжении!

Автобус остановился, двери распахнулись, появилась гречанка со списком в руке.

– Отель «Эллада», – на ломаном русском языке сказала она, – мадам Юлия Никонова здесь?

– Это я! – помахала рукой моя соседка. – Иду! Надо вынуть чемодан из багажного отделения.

С этими словами Юля загнула уголок страницы (я невольно посмотрела на номер – 282), захлопнула томик и, попрощавшись со мной, встала из кресла.

– Так и будем на каждом углу останавливаться? – обозлилась Ольга.

Юлия пошла по проходу к выходу.

– Побыстрее нельзя ковылять? – крикнула Оля. – Другим тоже охота наконец отдохнуть.

Андрей издал стон, очевидно, бабе таки удалось достать сверхтерпеливого мужа до самой печени.

Юлия обернулась, очаровательно улыбнулась и сказала:

– Думаю, вам следует проверить щитовидку, скорей всего, приступы агрессии и немотивированного раздражения связаны с неполадками работы эндокринной системы. Пара курсов лекарств, и вы переродитесь.

Я втянула голову в плечи, ну, сейчас начнется!

Но Ольга, на удивление, промолчала. «Мерседес» поехал дальше, я выдохнула и увидела на полу белый конверт, руки сами подобрали находку. «Госпоже Юлии Никоновой лично» – было написано на том месте, где обычно пишут адрес. Письмо оказалось заклеено, я положила его в сумку. Женщина остановилась в отеле «Эллада», это совсем недалеко от дома Наташки. Я не первый раз приезжаю к подруге на Эгейское море и великолепно знаю, какие гостиницы находятся на единственной центральной улице крохотного приморского городка. Тут всего три отеля, и стоят они на холме, ниже расположены виллы, в Греции не очень много свободной земли, поэтому особняки устроились почти вплотную друг к другу.

Наташке повезло, ее «Афина» последняя в ряду, с ней соседствует лишь один дом, коттедж «Роза». Вечером поднимусь к отелю и оставлю письмо на ресепшен.

Но, очутившись в Наташкином доме, я мигом забыла о конверте и Юлии Никоновой. Дневная духота пошла на убыль, теплое море плескалось почти у порога, огромные ярко-розовые цветы источали аромат, повар принес из холодильника ледяной апельсиновый сок – жизнь казалась восхитительной.

Поболтав с Наташкой, я искупалась, поужинала и пошла бродить по саду в сопровождении трех местных кошек. Греки любят животных и никогда не обидят бездомную киску. Впрочем, как раз «бездомных кисок» в маленьком городке и нет. Все кошки носят ошейники с жетонами и спокойно заглядывают в любой дом, собаки толерантны к гостям, то ли их таковыми сделала местная жара, то ли псы так воспитаны. В сонном городишке, особенно там, где расположены виллы с частными пляжами, царит полнейшая идиллия. Единственно, что меня тут пугает, – это кацарицы, местные тараканы. Они очень большие и умеют летать. Кацарицы похожи на майских жуков, тучных «рогатилов», которые во времена моего детства фланировали даже в самом центре Москвы. Интересно, куда они подевались теперь?!

Я остановилась около раскидистого куста, вдохнула аромат его цветов и внезапно услышала голос, напоминавший звук циркулярной пилы:

– Отвратительный дом! Небось ты снял его по дешевке!

Я осторожно повернула голову и увидела в саду соседней виллы Ольгу и Андрея.

– Милая, это лучший особняк, – тихо ответил муж.

– Всего три комнаты!

– Зачем нам на двоих больше?

– Жлоб! – припечатала Ольга. – Принеси сок. Почему не снял соседний дом? Он большой!

– Там живут люди.

– И что?

– Это частное владение некой баронессы Макмайер, – пояснил муж, – она не сдает виллу. Сама в ней обитает.

– Одна? – взвизгнула Ольга.

– Ну... не знаю, – растерялся Андрей, – наверное!

– Боже, везет же людям! – запричитала Ольга. – А я! Нет бы выйти замуж за «Нефтегазпром» или «Никельсталь». Кое-кто нашел правильную половину и теперь радуется в огромном коттедже. А я! А я! А я! В сарае! Три клетушки! Принеси пить!!!

Андрей кашлянул.

– Я неплохо зарабатываю!

– О боже! – простонала Ольга. – Две копейки имеем, третью примечаем. Ты даже не понимаешь, что значит: большие деньги! Да люди твою «неплохую зарплату» за один вечер в ресторане на коктейли тратят!

– Навряд ли, – неожиданно возразил Андрей, – тогда бы они спились!

– Да пошел ты! – гаркнула жена.

Я очень осторожно, на цыпочках пошла к вилле. Вот уж повезло так повезло. Угрозило же вечно лающую семейную пару снять соседний особняк!

Два дня пролетели, как один миг. Единственное, что нарушало покой, – это капризный, визгливый голос Ольги, долетавший с соседнего участка.

– Я бы ее убила, – сказала в конце концов Наташка, – как только мужик терпит подобную жену?

– Может, она богата? – предположила я. – Муж основал бизнес на средства супруги и попал к ней в зависимость.

– Тем более ее надо утопить! – фыркнула баронесса Макмайер. – Благо море под рукой. Местный начальник полиции, Джон, абсолютный пофигист, ему своих дел хватает. Велит патологоанатому выдать справку о смерти, и валите, вдовец, в Москву. Будь я на месте Андрея, эта Ольга бы и суток не прожила.

Около часа ночи мне, безуспешно пытавшейся заснуть после слишком обильного ужина, захотелось выйти в сад.

Стояла изумительная тишина, прерываемая стрекотом цикад, над головой нависало черное небо, залитое яркими, какими-то декоративными звездами, воздух был насыщен ароматом незнакомых цветов, тихо плескалось море.

Я набрала полную грудь воздуха и вдруг услышала тихое шуршание, поскрипывание, шорох, вздохи...

Ноги сами собой подвели меня к раскидистой туе, загораживающей соседний дом, я встала за зеленые ветви и осторожно посмотрела в чужой двор.

В ярком лунном свете была великолепно видна стройная фигура Андрея, он стоял, опершись на лопату.

Я замерла, боясь издать хоть один звук. Андрей внезапно опустился на колени и тихо сказал:

– Прости, милая, это случайно вышло! Я не хотел! Ей-богу, я даже не думал о таком! Ну прости, прости, прости!

Мне стало холодно, по спине, несмотря на душный вечер, побежал озноб. Андрей тем временем вынул из кармана носовой платок, тщательно вытер ручку лопаты, потом обернул ткань вокруг деревяшки, сунул заступ под мышку и, слегка прихрамывая, пошел в дом.

Я подождала, пока он исчезнет, и, пользуясь тем, что изгородь, разделявшая участки, была всего сантиметров пятьдесят в высоту, легко перешагнула через нее и приблизилась к тому месту, где только что плакал Андрей.

Не надо было иметь специального образования, чтобы понять: дерн сначала аккуратно сняли, а потом не менее осторожно вернули на место.

На следующий день около полудня в дом к Наташке пришел полный грек в полицейской форме.

– Джо! – обрадовалась подруга. – Хочешь холодного компота? Знакомься, это Даша, она приехала из Москвы погостить. Дашуня, это наш местный Дегтярев. Вообще-то он не Джо, но мне его настоящее имя без шансов произнести.

– Джо лучше, – кивнул толстяк, – во всяком случае, короче. Я знаю, Натали, что у тебя гости, мы же ее регистрировали в участке. Привет, как поживаете?

– Замечательно, – улыбнулась я, – надеюсь, и ваши коровы здоровы?

– Мы тут не держим буренок, – удивился Джо, – только овец, да и то их стало мало.

– Не обращай внимания, – усмехнулась Наташа, – Даша просто хочет казаться вежливой. Что случилось? У кого на этот раз угнали катер?

Джо похлопал себя по лысине.

– Ваши соседи... вы давно их видели?

Мы с Наташкой переглянулись.

– Слышим каждый день, – сказала подруга.

– Они постоянно ругаются, – добавила я, – а что?

Полицейский крякнул:

– Господа Лавровы сняли дом на все лето. Сегодня утром муж заявил о пропаже жены.

– Ничего себе! – подскочила Наташка.

– Андрей говорит, что он лег спать, – продолжал Джо, – а жена захотела искупаться. После бурной ночи любви решила освежиться.

– Ромео с Джульеттой! – фыркнула Наташка. – Что-то не похожи они на страстных влюбленных! Ругаются каждый день! Безостановочно.

– Я в Москве с ними столкнулась, – перебила я, – в Домодедово. Ольга капризничала по каждому поводу.

– Угу, – закивал Джо, – ясно. Но сам Андрей утверждает, что обожал жену, а она души в нем не чаяла. Они полночи провели в страстных объятиях, а потом он устал и заснул. Утром Андрей не обнаружил жену рядом, но не забеспокоился. Ольга замечательно плавает и каждый день в Греции начинала с заплыва. Лавров спал до десяти, жена плавала по несколько километров. Но сегодня Ольга не вернулась к завтраку. Андрей забеспокоился, пошел к морю, обнаружил там полотенце, тапки и... ключи. Так он понял, что Ольга не возвращалась с вечера. По ключам.

– Каким образом? – насторожилась я.

– Она запирала виллу, когда ходила купаться по ночам, – пояснил Джо, – а утром нет. У нас туристы тонут, это не редкость, водолазы ищут тело, но его часто не удается обнаружить, здесь есть подводное течение, очень сильное...

Я поежилась.

– Джо! Вчера вечером я стала свидетельницей странной сцены...

Полицейский внимательно выслушал мой рассказ про снятый в саду дерн и склонил голову набок.

– Повторите это в присутствии Андрея?

– Да, – храбро ответила я.

– Тогда пойдемте к соседям, – приказал Джо.

– Я с вами, – заявила Наташка, – ну, Дашута, не успела приехать, как вляпалась в историю!

Не скажу, что мне было приятно озвучивать свое наблюдение в присутствии Андрея, но я в деталях описала увиденное.

– Как объясните ваше поведение? – резко спросил у него Джо.

Андрей замялся.

– Можно я не стану комментировать ситуацию? Она очень неприятная.

Толстяк расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки.

– Вам не кажется странным, – вкрадчиво сказал он, – ваша жена на рассвете идет купаться. Свидетелей этого нет. Может, она и не приближалась к воде!

– На берегу остались полотенце и тапки! – перебил его Лавров.

Джо кивнул.

– Верно. Но ведь их мог туда положить любой! Вы, например.

– Я? – подпрыгнул Андрей. – С ума сошли! Зачем мне это делать?

– Всякое случается, – обтекаемо ответил Джо, – лучше объясните, почему вы стояли с лопатой в саду.

Лавров повернулся к Наташе:

– Простите, я нечаянно! Вернее... о господи! Все так сложно!

– А вы объясните, – пропел полицейский.

– Хорошо, – с отчаянием в голосе заявил Лавров, – мы с Ольгой хотели детей! Вернее, если говорить честно, о ребенке мечтала она. Я развелся с первой женой, у меня в том браке погиб сын, и я не очень-то был настроен заводить второго. Но Ольга настаивала. М-да! Да только у супруги обнаружились некие отклонения, гинеколог выписал ей гормональные таблетки, и начался натуральный ад! Оля превратилась в фурию. Скандалы, упреки, капризы, скачки настроения: то кричит на меня, то обнимает и признается в любви.

Я молча слушала Лаврова. Гормоны многое объясняют, увы, женщины сильно зависят от количества эстрогенов, многие из нас раз в месяц начинают изводить окружающих. А

кое-кто из моих знакомых бросил пить противозачаточные пилюли, потому что они здорово изменили характер, причем не в лучшую сторону.

Андрей понимающий человек, поэтому он толерантно относился к выходкам жены, но в конце концов и у святого иногда заканчивается запас терпения. Лавров заявил супруге:

– Мы поедem на лето в Грецию, и если в Москву ты не вернешься беременной, прекратишь гормональное лечение. Я более не способен жить с Бабой-ягой.

Ольга обиделась, но обещание дала. Едва Андрей ступил на греческую землю, как ему стало понятно: супруга намерена использовать его по полной программе. Оля не хотела выходить в город, она желала оставаться в кровати. В конце концов, Андрей заявил:

– У меня ощущение, что я нужен тебе не как муж, а как спермодонор! Лично мне хочется поездить на экскурсии и просто поваляться на пляже...

Договорить супруг не успел, жена схватила с тумбочки здоровенный бронзовый подсвечник и метнула в него. Андрей в юности занимался баскетболом, да и сейчас иногда в свободное время играет с друзьями, поэтому у Лаврова сработал рефлекс, он поймал подсвечник и, потеряв самообладание, швырнул его в жену. Ольга завизжала, присела, канделябр просвистел над скандалисткой, вылетел в открытое окно... Из сада раздался вопль. Андрей, мигom придя в себя, кинулся во двор и нашел на дорожке мертвую кошку, рядом валялся злополучный подсвечник, убивший животное.

Андрей на секунду замолчал, потом посмотрел на Наташу.

– Простите, бога ради! Это несчастный случай! Я люблю кошек! Никогда бы не смог намеренно причинить вред ни одной! Сразу понял – это ваша питомица, на ней был ошейник с брелоком: «Марта. Вилла „Афина“».

– Господи! – подскочила Наташка. – Ты убил Марту!

– Случайно, – с самым несчастным видом подтвердил сосед.

– И похоронил ее у изгороди? – уточнил Джо.

– Нельзя же бросить ее просто так... на дороге, – промямлил Лавров.

– Значит, если мы вскроем могилу, найдем там кошку? – не успокаивался полицейский. Сосед закивал, а Джо вышел из гостиной.

– Мерзавец! – накинулась на Андрея Наташка.

– Это несчастный случай, – шарахнулся в дальний угол дивана Лавров.

– Почему ты не принес мне останки Марты? – затопала ногами подруга. – Я бы ее искать стала!

– Испугался, – признался Андрей.

Баронесса Макмайер набрала полную грудь воздуха, открыла рот...

Не дожидаясь всплеска справедливого гнева подруги, я пошла за Джо и нашла его на террасе.

– Сейчас мои парни вскроют захоронение, – сказал полицейский.

– Позвоните в Москву полковнику Дегтяреву, я дам номер. Пусть Александр Михайлович уточнит биографию Лаврова: почему он развелся с первой женой и по какой причине погиб его сын? – предложила я.

– Да, верно, – кивнул Джо, – интересно, был ли у его жены страховой полис?

– Вас волнует, сумеет ли Лавров найти деньги для отправки тела в Москву? – нахмурилась я. – Но Ольгу пока не нашли. Может, она жива-здоровая?

– Наш бюджет очень маленький, – со вздохом констатировал Джо, – но я сейчас о другом. Понимаете, люди примитивны, я служу в полиции двадцать лет и за эти годы стал свидетелем большого количества однотипных преступлений. Приезжает на отдых пара, муж или жена тонет в море, а потом выясняется, что погибший удачно застраховал свою жизнь в пользу другого супруга этак на миллион долларов.

– Круто, – вздохнула я.

– Печально, – вздохнул Джо, – но, что еще печальнее, это часто сходит с рук убийце. Я понимаю, что жертву утопили, но доказать ничего не могу, в особенности если тела нет.

Примерно через два часа Джо пришел к нам на виллу и мрачно сел у стола на веранде. Мы с Наташкой, пившие кофе, замерли.

– Там кошка? – с надеждой спросила я.

Полицейский вытащил сигареты.

– М-да, – крикнул он, – в красной юбке и...

– ...розовом топике со стразами, – прошептала я, – он ее убил.

Джо почесал лысину.

– Ну на что он рассчитывал, а? Яма неглубокая, труп чуть-чуть присыпан. То ли сил не хватило, то ли он испугался! Дождь пойдет, покойница наружу вылезет! Дожди у нас не редкость, они короткие, минут на пять, но проливные.

– Откуда бы москвичу знать такие детали про местную погоду, – справедливо заметила Наташка, – у людей Греция ассоциируется с жарой. Это точно Ольга?

Джо нахмурился:

– А кто еще? Напрасно он ей голову и руки с ногами кислотой облил!

– Чем? – в ужасе спросила я.

Полицейский чихнул.

– У нас тут народ живет по старинке, хоть и имеют компьютеры, мобильные телефоны и спутниковое телевидение, хозяйство женщины ведут, как их бабки. Главное – чистота. Поэтому в туалетах у всех стоят бутылки с очень едким средством. На жаре любая неполадка с канализацией сулит кучу неприятностей, трубы в городке старые. Короче, попользовался унитазом, смыл, налил кислоту, опять промыл.

– Знаю, – кивнула я, – у Наташи такая же система.

– Местная администрация давно просит жителей пользоваться не дедовским, «убойным» средством, а приобретать современные, более мягкие составы, – продолжал Джо, – но разве нашим объяснишь! Да и дорогие они, всякие там «утенки», вот народ и покупает дрянь, которая... В общем, ваш сосед не хотел, чтобы жену узнали, и облил ей голову, руки и ноги едкой жидкостью. Думал, таким образом уничтожит все, что поможет идентификации трупа.

– Одежду и торе он оставил нетронутым? Ну не идиот ли! – воскликнула я. – Анализ ДНК легко произвести.

– Наверное, он про него не знал, – скривился Джо. – Кстати, мы тут такое исследование не делаем. В Афинах есть криминалистическая лаборатория, но результата надо ждать не один месяц, там очередь, и опять же бюджет не позволяет.

– Хоть бы юбку с приметным топилом снял, – продолжала удивляться я.

Джо развел руками, а потом добавил:

– Ваш Дегтярев хороший профессионал, тут же откликнулся, и выяснились интересные детали. Первая жена Андрея, Катерина, погибла во время совместного отдыха в Египте. Семья взяла простую лодку, весельную, и отправилась покататься. Катер береговой охраны обнаружил Андрея в воде. Он объяснил, что посудина дала течь, Лавров растерялся и не сумел спасти ни жену, ни сына. Тело мальчика и Катерины обнаружили водолазы. Никаких прижизненных травм утопленники не имели, а лодчонка оказалась очень ветхой. Андрей, простите за глупый каламбур, вышел сухим из воды.

– Жесть! – вытаращила глаза Наташка. – У него подобное, оказывается, поставлено на поток.

– Катерина была обеспеченной женщиной, – продолжал Джо, – она практически содержала Андрея. После кончины жены ему досталось огромное наследство: квартира, дача, машины, счет в банке, драгоценности, ну и так далее.

– Он убил своего ребенка, – поежилась я.

– О насильственной смерти речи не было, – напомнил Джо, – всего лишь несчастный случай. Кстати, сын не Андрея. Мальчик был рожден Катериной в первом браке.

– Но какого черта эта Синяя Борода сказал нам, что развелся с первой супругой? – удивилась Наташка. – Зачем врал?

– Вот уж глупость! – подхватила я. – Проверить-то это очень легко! Один звонок в архив! Вы спросили Лаврова, чем он мотивирует свою ложь?

– Ответил, что испугался, – пояснил Джо, – некрасиво получается: первая супруга утонула в море, вторая тоже...

– Обескураживающая периодичность, – фыркнула Наташка, – прямо как в анекдоте: «Вы будете смеяться, но моя седьмая жена тоже повесилась сама, как и шесть предыдущих, наказала себя за подгоревший пирог».

– Лавров утверждает, что он не виноват. Катерину любил, мальчика воспитывал с пеленок, считал его родным ребенком, очень переживал его гибель, даже попал в больницу с нервным срывом.

– Ой, бедняжка! – издевательски воскликнула Наташка. – Хочется плакать от жалости к нему.

– А еще жизнь Ольги Лавровой была застрахована на крупную сумму, – завершил рассказ Джо.

– Какую? – поинтересовалась Наташка.

– В пользу кого? – одновременно спросила я.

Джо положил ногу на ногу.

– Представитель страховой компании не ответил на эти вопросы. Им нужен официальный запрос, но клерк подчеркнул: сумма очень велика. А еще ваш Дегтярев прислал справку на Ольгу Лаврову. У нее нет никаких родственников, кроме Андрея. Отец и мать умерли, братьев-сестер нет, замуж вышла первый раз. На работе Лаврова служила аудитором, она характеризуется начальством положительно: знающая, аккуратная, неподкупная. Коллеги имеют другое мнение: жесткая, крайне принципиальная. Но не из тех, кто любит говорить правду в лицо, улыбнется, а потом пойдет к начальству и сдаст с потрохами. Друзей на службе она не имела, ее сторонились, знали, что она способна настучать, и поэтому ее избегали. Правда, отмечают, что Лаврова очень любит мужа и ревнует его чуть ли не к фонарному столбу. Ольга не из тех женщин, кто постоянно заводит романы, до знакомства с Лавровым она жила одиноко. И вот пикантный момент, она весьма обеспечена. Отец Ольги известный московский нумизмат, он оставил дочери свое собрание монет. А кто наследник Ольги? Правильно, ее муж Андрей.

Над садом повисла тишина.

– Однако Лавров – молодец, – нарушила ее Наташка, – везет ему с бабами. Первая умерла – он получил хороший куш, вторая погибла – займет немалые денежки.

– Думаю, наследства от Ольги ему не видать, – подытожил Джо. – Андрея обвинят в убийстве. Есть свидетели его постоянных скандалов с женой, Даша видела, как Лавров стоял у могилы с лопатой, а потом вытирал черенок носовым платком. И эта глупая ложь про ее купание!

– А где кошка? – спохватилась Наташка.

– Там же, – мрачно ответил Джо, – лежала под трупом Ольги.

Моя подруга ойкнула и ушла с террасы.

– Тело Ольги лежало поверх убитого животного? – уточнила я.

– Да, – кивнул Джо.

– Значит, сначала в землю закопали Марту?

– Верно.

– А потом труп Ольги?

– Именно так.

– Почему не наоборот? – поразила я. – Логичнее маленькое уместить на большом! Джо отвернулся и ничего не сказал.

– Могила была очень неглубокой, – не останавливалась я. – Неужели Лавров не мог ее выкопать поглубже? И почему, старательно уродуя голову, руки и ноги несчастной, он не снял весьма приметную одежду?

– Если бы преступники не совершали ошибок... – махнул рукой Джо. – Андрей не профессионал, так сказать, любитель... И еще...

Полицейский стал сосредоточенно раскуривать сигарету.

– Ну, дальше, – поторопила его я.

Джо откинулся на спинку стула.

– Отчего-то туристы считают местных полицейских идиотами. Думают: они тут толстые кабаны, способные только гоняться за воришками, тырящими полотенца с пляжа. Это расслабляет преступника, он заведомо ощущает себя неуловимым и совершает оплошности. Думаю, в голове у Лаврова имелся более простой расчет. Они с женой россияне, ну какой смысл греческой полиции тщательно копаться в деле? Погибла не гречанка, следовательно, можно замаять происшествие, выдать справку о несчастном случае – и ку-ку. Один раз ему такое уже сошло с рук!

– Ну почему он не снял с нее одежду? – тупо повторяла я. – И зарыл тело в своем саду?

– А куда ему было идти? – усмехнулся Джо. – Залезть на вашу территорию?

– Мог утопить его в море!

– Я уже объяснил ход мыслей преступника, – остановил меня толстяк, – кстати, он оставил приметную улику: на одном из кустов у могилы висит шарф Ольги. Как он его не заметил?!

Вечером я полезла в свою сумку за кошельком и обнаружила там конверт, адресованный Юлии Никоновой. Настроение у меня было невеселым, сидеть на террасе и смотреть на сад, где до сих пор бродили полицейские, не хотелось. Я взяла письмо и пошла в гостиницу. Отдам Никоновой послание, а заодно и развеюсь.

– Юлия Никонова? – переспросил портье. – Мадам, она уехала.

– Уже? – поразила я. – Так быстро?

Администратор развел руками:

– Не всем по карману долгий отдых. Госпожа Никонова могла позволить себе всего несколько дней. У вас в России, говорят, тяжелые времена, население вынуждено работать с утра до ночи. Никонова приехала в шубтур.

– Куда? – не поняла я.

Мужчина заулыбался:

– В нашем городе расположена меховая фабрика, небольшое, но хорошее предприятие. Русские женщины покупают путевку и приезжают сюда, чтобы приобрести манто. Даже с учетом перелета и проживания получается намного дешевле, чем покупать норку в Москве. Кстати, если вы возьмете три меховых изделия, фабрика оплатит вам отель, купите десять – слетаете туда-сюда бесплатно. Очень выгодно и вам, и нам. Сходите в демонстрационный зал, от души советую.

– Спасибо, – кивнула я и показала на полочку с книгами, висевшую у ресепшен, – похоже, у вас много русских постояльцев! Вон сколько томов на моем родном языке.

Портье потер руки:

– Верно. Дамы оставляют прочитанную литературу, вот и получилась неплохая библиотека.

– Вон ту Смолякову бросила Никонова? Можно мне посмотреть детектив?

– О! Пожалуйста, – любезно ответил администратор и протянул мне томик в бумажной обложке.

Я увидела загнутый уголок и открыла детектив. Страница 282, до окончания романа осталось всего несколько страниц, и они склеены. Милада Смолякова мастер, она всегда до последней фразы водит читателя за нос. Я сама недавно нервничала вот над этим ее романом и знаю: фамилия убийцы раскрывается буквально в последнем предложении. Естественно, можно пролистать детектив вперед, но ни один из любителей криминального чтения так не поступит, пропадет весь интерес к роману.

– Если хотите, забирайте! – предложил портье. – Прочитаете и вернете. Не отдадите – беды нет, библиотека постоянно ротируется. Дамы берут из Москвы книжку, прочитают, оставят здесь, а на обратную дорогу возьмут из нашего собрания.

– Никонова тоже взяла томик? – спросила я.

– Нет, я предложил, а она отказалась, сказала: «Мне это не интересно», – ответил портье.

Я вышла на улицу, дошла до ближайшего кафе и позвонила Дегтяреву.

– Да! – гаркнул полковник.

– Милый, ты же любишь меня, – проворковала я.

– Говори, – вздохнул Александр Михайлович, – что на этот раз?

Полковник зануда и любит пофилософствовать на пустом месте, он обожает всех поучать и давать глупые указания, типа: «На улице мороз, надень пальто». Но на профессиональной ниве Дегтяреву нету равных, мышь едва высунет из норки кончик носа, как полковник схватит ее, куда только деваются его медлительность и лень! Через пару часов я получила ответы на все свои вопросы и пошла в полицию к Джо.

– Интересно. – Грек побарабанил пальцами по столешнице.

– Дайте мне поговорить с Лавровым, – попросила я, – со мной он будет откровенным. Я не испорчу дела!

– Хорошо, – согласился Джо, – сейчас его приведут в комнату для допросов. Но я буду за зеркалом!

– Естественно, никто в этом не сомневался, – кивнула я.

За время, проведенное под замком, Лавров похудел, а его щеки покрыла щетина.

– Вы? – изумился он, сев за длинный стол. – Зачем пришли?

– Хочу помочь, – ответила я, – знаю, что вы не убивали Ольгу. История про кошку чистая правда.

– Господи! – воскликнул Андрей. – Да, конечно! С какой стати мне убивать родную жену? А?

– Ну мотив-то был, – нежно улыбнулась я, – Ольга застрахована на огромную сумму, и коллекция ее отца должна была достаться вам, так? Интересно, почему молодая женщина вдруг решила составить завещание? Российские граждане не приучены к таким поступкам.

– Олюшка легла на операцию, – пояснил Андрей, – гинекологическую. Я уже говорил о ее маниакальном желании иметь детей. Она боялась наркоза, смерти на столе, вот и пошла к нотариусу.

– Представляю, как вы испугались, узнав, что в саду закопано тело!

Андрей кивнул:

– Это было ужасно. Кто мог так поступить с Оленькой!

– Действительно, кто? – нахмурилась я. – Вы ведь договаривались с Юлей по-другому.

– С кем? – икнул Лавров.

Я оперлась локтями о стол.

– Могу рассказать, как было дело. Вам нравятся обеспеченные женщины, вот только они капризны и требуют внимания. После гибели Катерины вы женились на Ольге, а та

неожиданно захотела иметь детей. Вам младенцы не нужны, им ведь положена часть имущества после смерти мамы.

– Боже, что вы несете! – прошептал Андрей.

Я пожала плечами.

– Просто рассказываю не очень оригинальную историю. Ольга надоела вам, и вы решили повторить трюк с утоплением. Преступники частенько идут по проторенной дорожке. Одна жена погибла в море, и вторая может захлебнуться в воде. Местная полиция расследует подобные дела спустя рукава. Поэтому вы сняли дом в Греции, в маленьком городке, не в Афинах. Знаете, я всю дорогу слушала скандалы Ольги и поражалась: ну почему вы так терпеливы? Теперь стало понятно: вы сохраняли имидж любящего мужа, который потворствует капризам супруги. Весь автобус и пассажиры самолета могут это подтвердить. Но на самом деле вы придумали хитрый план. В Грецию полетела и ваша любовница, Юлия Никонова.

– Глупости! – подскочил Андрей. – Я не знаю эту женщину.

– Не надо, – погрозила я пальцем Лаврову, – уже есть показания по этому поводу. Вы должны были поехать на такси в Афины, Ольга отказалась бы от экскурсии, серпантин не для нее. Вернувшись назад, вы бы узнали, что жена пошла купаться и утонула. У вас сто процентное алиби. Черная работа по убийству Лавровой должна была лечь на плечи Никоновой. Я сейчас не хочу вдаваться в детали. Просто учтите – правда известна.

Андрей посерел.

– Я ее не убивал!

– Нет, – согласилась я, – и есть одна неизвестная вам деталь! Ольга переписала завещание и переделала страховку. Совершила она это за день до отлета в Грецию. Знаете, кто наследник?

– Ольга сирота, – прошептал Лавров, – ни родственников, ни подруг из-за своего противного характера она не имеет...

– Верно, – кивнула я, – но порой женщины способны на невероятные поступки. Скажите, сколько у вашей жены сумок?

– В смысле? – растерялся Лавров. – Вы о чем?

– О ридикюлях. У Ольги их было много с собой?

– Ну... не знаю, – ответил Андрей, – я не обращаю на это внимания.

– Плохо, – констатировала я, – впрочем, ваша жена на это и рассчитывала. Помните, она устроила скандал в автобусе, хотела в туалет?

– Может быть, – пожал плечами Андрей, – истерика – это ее любимое занятие!

– Ольга зашла туда, имея при себе сумку бежевого цвета, – сказала я, – а назад, к автобусу, она вернулась с мороженым, но без сумки. Мне еще тогда нечто показалось странным, но я не стала обдумывать происходящее, Ольга скандалила...

– Я не помню, – совершенно искренне ответил Андрей. – Ну какая разница, что у нее было в руках?

– На то и был расчет! Ваша жена постоянно орала, и это отвлекало внимание от всего, кроме ее визга. Но полиция съездила на заправку и поговорила с хозяином, и тот рассказал такую историю. Одна туристка попросила его припрятать сумку, обещала забрать ее через несколько дней. Дама хорошо заплатила и показала, что в торбе лишь одежда и кое-какие документы. Хозяин не стал спрашивать, зачем женщине понадобилось прятать вещи, он решил заработать, главное, что там нет наркотиков и оружия, остальное ерунда. Так знаете, кто наследник Ольги? Юлия Никонова! И страховку, и коллекцию получит она.

– Вы врете! – заорал Андрей, вскакивая со стула.

– Садитесь, – попросила я, – ваши жена и любовница сговорились между собой и решили от вас избавиться. Обе очень обижены на вас, вы обманывали и ту, и другую. Вот

дамы и захотели отомстить. План был прост. Ольга подбрасывает вам снотворное в вино, вы мирно засыпаете. Ваша жена режет себе руку, пачкает своей кровью нож, бросает его возле вас, расшвыривает вещи и... убегает. А через час поступает звонок в полицию от Юлии Никоновой. Она гуляла по пляжу вечером и видела, как мужчина выбрасывает с лодки труп. Кстати, лодку тоже собирались замазать кровью Ольги! Вас арестовывают за убийство, через положенный срок Юлия Никонова получает страховку и коллекцию, отдает половину Ольге – и все путем.

– Бред, бред, бред, – твердил Андрей.

– И вновь я согласна с вами, – кивнула я, – но Юлия-то поверила Ольге. Никоновой мысль о получении кучи денег показалась привлекательной. Кстати, вы тоже обещали поделиться с любовницей, но деньги-то и коллекция доставались только вам! А Оля предложила Юлии переделать свое завещание и переоформила его! Почувствуйте разницу. Формально Лаврова мертва, весь трофей Юлин, и только от нее зависит, отдаст ли она Ольге его часть.

Андрей обхватил голову руками.

– Но ваша жена вовсе не наивна, – безжалостно продолжала я, – дело было так. Вы поскандалили и случайно убили кошку Марту. Пока вы зарывали несчастное животное, Ольга позвонила Юле и сказала:

– Планы меняются. Убиваем меня сегодня. Приходи на виллу через час. Вы пришли в дом и, думаю, выпили вина.

– Да, – кивнул Андрей, – Оля налила.

– А потом заснули?

– Верно. Я встал около полудня, жены нет, нашел на берегу вещи... Поймите, я подумал: «Вот повезло, она сама утонула». – Андрей умоляюще протянул ко мне руки. – Я очень обрадовался, что не надо... ну... в общем, это же тяжело... мне было жаль Юлю... э... как она утопит... А потом пришла полиция.

Я встала и начала ходить по небольшой комнате для допросов.

– Ольга убила Юлию, передела ее в свою одежду, сама нацепила сарафан Никоновой, облила голову, руки и ноги вашей любовницы кислотой, слегка припорошила труп землей, повесила на ветку свой шарф и ушла в гостиницу. Она знала, что вы заявите в полицию о пропаже супруги. А местные Шерлоки Холмсы живо найдут труп, тот практически на виду. Или ближайший ливень откроет тело. Полиция выдаст справку о смерти, вас засунут в каталажку. Через положенный срок Юля-Ольга получит деньги, а коллекцию она уже успела перетащить в ячейку банка. Ольга-то сейчас в Москве, улетела туда по билету Никоновой. Самое интересное, что никто не заподозрил плохого – ни портье в гостинице, ни пограничники. Лаврова и Никонова слегка похожи, остальное сделал грим. И потом, тех, кто катается за шубами, особо не проверяют. Единственная неувязочка – Никонова должна была прожить в отеле еще сутки, но портье не удивился скоропалительному отъезду, всякое случается, может, дама решила побегать по Афинам. Кстати, Ольга-Юлия так и поступила.

– Но... но... как она собиралась появиться на работе? – прошептал Андрей.

– Никак. Никонова уволилась перед отъездом в Грецию, Ольга сказала ей, что надо сменить место службы. Кстати, знаете, что было в той, спрятанной на заправке сумке? Российский паспорт на имя Елены Петровой с фотографией вашей жены, ключи от квартиры, которую она предусмотрительно сняла в спальном районе Москвы, и неприметная одежда, не яркая, как носили Ольга и Юля, а серое скромное платье и парик. Ольга тщательно подготавливалась, не хотела рисковать, вдруг муж случайно найдет эту сумку. Вам нравятся одинокие бабы, у Никоновой, как, впрочем, и у Катерины, и у Ольги, нет родных, ее бы не стали искать.

– Но я бы узнал о завещании и начал охоту на Юлю! – взвыл Андрей.

– Маловероятно, – возразила я, – вам предназначалось сидеть в греческой тюрьме. Господина Лаврова осудили бы по местным законам, до Москвы он добрался бы лет этак через десять.

– Сука! – стукнул кулаком по столу Андрей. – Она хотела меня посадить! Все подстроила! Спала со мной в одной кровати и... нет, какова мерзавка!

– А вы спали с ней в одной кровати и задумали утопить, – напомнила я. – Юлия рассказала всю правду Ольге. Кстати, зачем вы вытерли черенок лопаты носовым платком? Мне это показалось очень подозрительным.

– На деревяшку что-то налипло, – растерянно пояснил Лавров. – Я не хотел испачкаться.

– Надо же! А я решила, что вы уничтожаете отпечатки пальцев!

Андрей побагровел.

– Ольга дура! Ну как бы она заявила в страховую компанию за деньгами! Ее же узнают как Лаврову.

– Ваша супруга планировала сделать пластическую операцию, – пояснила я, – изменить форму носа, вкачать гель в губы и подкорректировать овал лица. Затем осветлить волосы, вставить в глаза цветные линзы... Ее бы и родная мать не узнала. Ладно, это все! Вы не убийца. Правда, не знаю, считается ли неосуществленное намерение утопить жену преступлением. Думаю, вас отпустят. Страховка, правда, теперь пропадет. А где, в каком банке находится коллекция монет, Ольга вам не расскажет, и она имеет на это право, спрятала личную собственность, полученную до брака. Лаврову будут судить, но мне это неинтересно. Да. Юлия обронила в автобусе конверт. Я хотела вернуть ей письмо и понесла в гостиницу. В конечном итоге из-за оплошности Никоновой дело и раскрылось.

– Что за письмо? – спросил Андрей.

– Полная ерунда, – улыбнулась я, – в конверте лежал рекламный проспект. Наверное, Никонова получила его перед отъездом от турфирмы, хотела вскрыть в самолете и забыла. Прощайте.

Я вышла из комнаты и налетела на Джо.

– Как ты догадалась, что Никонова – это не Никонова? – спросил полицейский.

– Вам это покажется глупым, – улыбнулась я, – но мне помогла книга Милады Смоляковой. Помню, в автобусе на моих глазах Юля загнула уголок страницы. Она сказала, что обожает этого автора. Но почему тогда она оставила в гостинице недочитанный роман? Последние листки были склеены, их не открывали. Ладно, Юлия занималась покупкой шубы и временно отложила книгу, но, улетаю, она непременно должна была прихватить ее, чтобы узнать развязку. Ни один любитель детективов не бросит чтение на самом интересном месте. А еще она отказалась от предложения портье взять новый криминальный роман, сказала: «Мне это неинтересно». И я подумала: вот странность! Человеку несвойственно столь резко менять свои привычки.

– А мне показались странными браки Андрея, – признался Джо, – все жены всегда богаче мужа. Нехорошо!

Я посмотрела на толстяка, но ничего не сказала. Джо полагает, что неравенство в супружестве зависит от денег. Думаю, он не совсем прав. Что такое неравный брак? Это когда жена ненавидит мужа больше, чем муж жену.

Дарья Калинина. «Горный шиповник»

День обещал быть весьма насыщенным и ярким. Выйти в поход предполагалось еще на рассвете. Так было запланировано за много дней, когда еще только обсуждался план очередного пикника у водопада. На дорогу туда, обратно и на отдых у водопада отводился один день.

– Вернемся еще засветло! – оптимистично заявляли друг другу члены небольшой группы, отправляющейся к водопаду. – Теплую одежду можно с собой не брать, погода стоит отличная. Ягоды и орехи соберем в лесу. Так что возьмем только хлеб, овощи для салата и мясо для гриля. Ну и, конечно, выпить.

Именно выпить, а не попить. Пить можно и из горных речек, ручейков и многочисленных родников. Вода, берущая начало в подземных родниках, такая сладкая и ледяная, что вкус ее лучше всякого лимонада.

Сам водопад находился высоко в горах, поэтому сразу же было заявлено: детей моложе двенадцати лет с собой не берут. Да и из числа желающих пойти в поход подростков выбрали только самых хорошо подготовленных физически и не склонных к нытью. Взрослые участники экспедиции вовсе не горели желанием всю дорогу слушать капризные речи, вместо того чтобы наслаждаться красотами окружающей их природы.

– Нет, ты не пойдешь!

Асе казалось, что эту фразу за последнюю неделю ей пришлось повторить не меньше ста раз. Младший братец буквально не давал ей проходу. В отсутствие родителей, уехавших в гости к родным, за старшую в доме осталась двадцатилетняя Ася. А ее младший братец Давид буквально изводил сестру, приставая к ней и умоляя взять его с собой.

– Ну и что с того, что тебе уже скоро тринадцать? Сомневаюсь, чтобы даже к тридцати ты набрался достаточно ума, чтобы можно было без опаски отправиться с тобой в горы.

Ася качала головой в ответ на его мольбы. Не нужна ей эта головная боль! Она хочет хотя бы один день провести спокойно и в свое удовольствие.

– А с тобой я все время словно на пороховой бочке! – возмущенно прибавила она. – Кто вчера натер соседскому ослику задницу острым перцем? Бедное животное полдня носилось по деревне с задранным хвостом!

Осел сломал изгородь, повредил курятник, распугал овец и довел до сердечного припадка свою хозяйку. Ведь она весь день носилась за ним, пытаясь эту скотину уговорить!

Да, сестра была права. Осел повел себя слишком активно. Но ведь сам Давид этого не хотел!

– Твоя главная беда в том, что ты сначала делаешь, а потом уже думаешь.

– Но я же думаю! Просто потом получается не совсем так, как я думал.

– Плохо получается! Дай мне отдохнуть от тебя хотя бы один денек!

Давид, набычившись, посмотрел на сестру. Это был красивый, очень рослый и сильный для своих лет мальчик. Он не был злым, он просто был страшным озорником. И в чем-то сестра права: ему нужно лучше планировать свои шалости. Но у Давида имелся против сестры один козырь, который он не хотел пускать в ход до последнего момента. Но, похоже, теперь этот момент наступил. Поход назначен на завтра, а ему так и не удалось уговорить сестру по-хорошему.

Поэтому он скорбно вздохнул и выпалил:

– Знаю я, почему ты хочешь от меня избавиться! Все дело в Дидо.

– Что?!

– Он в тебя влюблен. Ты просто хочешь остаться с ним наедине, без свидетелей!

– Как это без свидетелей? С нами идет еще двенадцать человек!

– Им будет не до вас. Только я мог бы присмотреть за вами!

У Аси от возмущения перехватило дыхание, а Давид спокойно продолжал:

– А ведь Дидо очень не нравится нашему отцу. Он говорит, что с таким парнем жди беды. И он будет очень недоволен, узнав, что ты кокетничаешь с Дидо.

– И не думала я вовсе! Ты ничего не скажешь отцу!

– Не скажу, если пообещаешь взять меня в горы!

– Шантажист!

– Я все равно пойду, с тобой или без тебя!

Ася взглянула на брата и поняла, что тот не шутит. И что за мальчишка такой растет?! Вроде бы и славный, и милый, и добрый. Никогда не обидит маленького, всегда заступает за слабых детей, чтобы их не обижали те, кто сильнее и злее. Но справиться с ним просто невозможно. Что решил, то и сделает.

– Ладно! – вздохнула девушка. – Если уж тебе так приспичило, пойдешь с нами. И учти: не ты за мной, а я за тобой буду приглядывать! Я – старшая!

– А я – мужчина! Значит, главный – я!

Ася не выдержала и прыснула. Мужчина нашелся! Сопляк! А ведь еще недавно он сучил ножками в своих пеленках, а потом не мог привыкнуть к горшку, все надевал его на голову и бегал по дому, словно рыцарь в шлеме и без штанов.

Конечно, у Аси давно накопились претензии к братцу. Она вполне могла заставить парня подчиниться ей. Но, будучи женщиной, она знала, когда не стоит перегибать палку. В конце концов, Давид – сильный мальчик. И если он пообещает, что будет вести себя хорошо, слово он сдержит.

Счастливый, Давид ушел, а Ася накинула на плечи теплую, связанную еще бабушкой шаль и выскользнула из дома. Перепрыгнула через соседский заборчик и оказалась у дома своей лучшей подруги – Светы.

В следующем месяце у Светы намечалась свадьба с Василием. Подружка могла говорить только об этом. Лично Асе этот Василий не очень нравился. Конечно, он был парнем хозяйственным. Только дойных коров у него было пять штук. Но ведь пять коров, каждая из которых дает по двадцать литров молока в день, – это же свихнуться можно! Все это молоко надо надоить, поставить на сливки или сыр, переработать, потом свезти на базар и продать.

Неудивительно, что Василий надумал жениться. Чтобы женщина вела его хозяйство, доила коров, пахала на огороде и в виноградниках. Ася все это прекрасно понимала. Но глупенькая Светка не шла мыслями дальше дверей ЗАГСа. И все намеки подруги, что ее ждет далеко не сладкая жизнь, либо пропускала мимо ушей, либо отмахивалась от них.

Вот и сейчас Света была занята тем, что примеряла свое свадебное платье. Увидев Асю, она закружилась перед зеркалом.

– Как я тебе? Правда, прекрасное платье?

– Замечательное!

– Не слишком свободно?

– Тютелька в тютельку! На тебя ведь шили.

– Ну да, – призналась Света. – Отец отдал за него лучшего барашка и ярочку. Но ты ведь знаешь, мы, женщины, то худеем, то полнеем. Вдруг за месяц я поправлюсь? Или, наоборот, похудею?

– Поэтому ты и меряешь его каждый вечер? Беспокоишься, как бы не выйти из формы? Говорят, это дурная примета, – заметила Ася.

– Дурная примета, когда платье видит жених. А Васька его не видел и не увидит до свадьбы!

«И хорошо, – подумала Ася. – Скуповатого Василия удар хватит, когда он увидит свою невесту в невообразимо дорогом, по меркам их села, платье». Ася подозревала, что отец

Светки отдал за него не только двух овец. Это он Светкиной матери, плохо разбирающейся в моде, мог такое втереть. Ася отлично видела, что платье пошито настоящей мастерицей. И ткань очень дорогая. Не говоря уж о кружеве, вышивке, ручном шитье и стразах, которыми оно было щедро украшено.

Оставалось надеяться, что и в браке на долю Светки выпадет хотя бы десятая часть тех подарков, которые делал ей отец.

Ася снова нахмурилась. Нет, не раскошелится Василий на подарки! Разве что это будет нечто полезное для дома или хозяйства. Машина цемента, например. Или ручной культиватор.

– Идешь завтра? – спросила Света у подруги.

Она уже сняла платье и, аккуратно накрыв его прозрачным чехлом от пыли, повесила в шкаф.

– Да, – кивнула Ася.

– Вася с отцом тоже идут.

– В самом деле? Но поведет нас всех Дидо.

Помимо воли в голосе Аси проскользнули восторженные нотки. Света недовольно сморщила нос.

– Что ты нашла в этом парне? – проворчала она.

– Тебе он так не нравится?

– Он какой-то странный. Да у них все в семье такие. Взять хотя бы отца Дидо! За что он пострадал? За какие-то дурацкие принципы!

– Отец Дидо ловил браконьеров в нашем лесу.

– Мой отец тоже ходил в лес стрелять зайцев или птицу без всякой лицензии. И твой папа горных козлов приносил несколько раз.

– Но это же был какой-то один маленький козлик или пара перепелок! Отец Дидо был против, когда зверей расстреливали с вертолетов, для забавы.

– Ну, а я о чем! – воскликнула Света. – Ясно же, что у простых людей вертолетов для охоты быть не может. Значит, большие шишки прилетали. А он с ними связался, правду искал. А что в результате? Поймал пулю – и ничего больше!

– На следствии четко сказали: убийца – кто-то из своих! Тот человек ушел в горы, найти его не удалось. А кто может знать наши горы – только местные мужчины!

Света пожала плечами. На нее все разговоры, кроме темы ее свадьбы, наводили скуку. Поэтому она подвела итог беседе:

– В семье Дидо все немножко с приветом. И он сам такой же. А уж когда убили его отца, он и вовсе сдвинулся на этой почве.

– Легко ли ему жить, зная, что убийца на свободе?

– Ох, уж эти горцы с их понятиями, – вздохнула Света. – Смотри, выйдешь за такого замуж, он тебя к столбу приревнует и прирежет.

Ася промолчала.

В путь вышли на рассвете. Было темно. Солнце еще не позолотило своими лучами верхушки гор. Оно только окрасило небо в чуть более светлый оттенок, намекая, что скоро утро. И если кто-то хочет увидеть рассвет в горах, пора двигаться.

– Нам обеспечена хорошая погода! – бодро заявил Дидо, приветствуя девушек.

Все согласились с ним. И только старый пастух дядя Дима, проходивший мимо (его рабочий день начинался еще затемно), недовольно покачал головой.

– Эх, молодо-зелено! – пробормотал он. – Гроза к ночи будет.

Но никто не стал его слушать. Все знали, что дядя Дима обладает сквернейшим характером на свете. Обожает предсказывать всевозможные ужасы, беды и катастрофы. На сва-

дъбах он предрекал скорую гибель невесты или жениха. На крестинах пророчествовал, что вырастет из этого младенца в лучшем случае вор, а то и убийца. А уж во время пахоты и года не проходило, чтобы дядя Дима не предрек великую сушь, гибель всех посевов, голод и смерть.

Толпа дружно двинулась в путь, стремясь побыстрее выбраться из деревни.

Собственно говоря, Буденовка была даже не деревней, а довольно большим селом. Почему ее называли деревней, никто не знал. Соседний райцентр мог бы целиком уместиться на половине территории Буденовки. Но тем не менее райцентром был именно он, а не Буденовка.

Деревня раскинулась под самым Кавказским хребтом. Население было смешанное. Русские, грузины, аварцы, армяне, евреи мирно соседствовали друг другом, а затем тихо покоились на одном кладбище, не разделенном на три части, – хоронили всех вперемешку. Некоторые надгробия были простыми плитами, какие-то украшала шестиконечная звезда, кое-где стояли кресты.

Национальные розни не раздирали деревню. Смешанные браки были делом обычным. Никто и внимания не обращал, если русская девушка выходила замуж за мусульманина. Нравы были простые. Нередко многие пары так и жили всю свою жизнь, официально не оформив отношения. К чему лишние бумаги? Все и так знают, что они – муж и жена. И их дети – это именно их дети.

Ближе к концу лета, когда работы на виноградниках, полях и огородах становилось меньше, местные жители могли подумать и о развлечениях. Одним из них были прогулки в горы. На охоту, за грибами или кизилом, за орехами или дикими каштанами и мелким золотисто-шоколадным корольком.

Климат у подножия гор был теплым и благоприятным не только для людей, но и для животных. Горные леса были богаты своими дарами. Дичи было много и у самой деревни. А уж выше, в горах, водилась и вовсе знатная добыча – дикие козы, волки и даже медведи. Почти в каждом доме в Буденовке было охотничье ружье, с которым мужчины отправлялись в горы.

Разрешением на его ношение и хранение местные жители редко озабочивались. Точно так же, как и лицензией на отстрел дичи. Какие лицензии? Их отцы, деды и прадеды жили и охотились в этих горах. О чем речь-то?

Так что не проходило и года, чтобы кого-нибудь из жителей деревни не оштрафовали или не отправили за решетку за браконьерство. Конечно, лесники попадались разные. Некоторые смотрели сквозь пальцы на происходящее. Другие разрешали охотиться в «своих» угодах лишь друзьям и близким. А третьи были неподкупны.

Именно к таким принципиальным относился, по мнению односельчан, отец Дидо. Ходили упорные слухи, что убил его кто-то из браконьеров. Поймать преступника не удалось. Он словно сквозь землю провалился. Ушел туда, где не было не только дороги, но даже и мало-мальски подходящей тропки. Погоня вынуждена была повернуть назад, наткнувшись на неприступную горную расселину.

Дидо было в ту пору пятнадцать лет. Нынче он отпраздновал двадцать пятый день рождения. Дидо превратился в красивого парня. И не у одной только Аси замирало сердце, когда он смотрел на девушку своими выразительными темными глазами, на самом дне которых притаилась горькая печаль.

Отец его был грузином, мать – русской. Он унаследовал от них обоих самые лучшие качества. От отца – отвагу, принципиальность и чувство чести. А от матери – красоту и желание много и с пользой трудиться. За такого жениха многие отцы без колебания отдали бы своих дочерей. Только Асин отец почему-то хмурился и ворчал, что этот парень еще покажет себя. Весь в отца пошел, такой же сумасшедший и непреклонный.

- Как хорошо! – догнала Света свою подругу.
- Очень! – искренне выдохнула Ася.

Солнце встало, но еще не пекло. К моменту наступления сильной жары Дидо планировал изрядно углубиться в лес.

- Посмотри на дядю Гоги, – хихикнула Светка. – Не отпустил своих дочек одних!

Ася покосилась на маленького пузатого мужчину, который ковылял, изо всех сил стараясь не отстать от основной группы. У дяди Гоги в жизни имелось всего две проблемы. Точнее, две его обожаемые дочки, старшая и младшая. Красавицами они отнюдь не были, труженицами или мастерицами – тоже. Честно говоря, это были самые уродливые, кривоногие и, несмотря на относительную молодость, уже усатые каракатицы, каких только можно представить. Вряд ли какой-нибудь мужчина заинтересовался ими.

Но у дяди Гоги на этот счет было собственное мнение. Он считал, что его дочки – два самых лакомых в мире кусочка. И женихи только и выжидают удобный момент, чтобы похитить этих красавиц, обесчестить и опозорить бедняжек. Поэтому дядя Гоги никогда никуда не отпускал своих дочек одних. В поход поплелся за ними следом, несмотря на свою тучную комплекцию и короткие ножки.

Кроме дяди Гоги и его дочек, отправились в путь Вася со своим отцом, Дидо, Света с Асей, Давид, еще шесть молодых людей и юношей из деревни.

А вокруг была такая красота! Дорога шла через прозрачные лиственные леса, так мало похожие на густые заросли в северных таежных местах. Тут было совсем не страшно, светло, просторно и легко.

Девушки нарвали цветов, сплели венки и чувствовали себя прекрасно. Молодые люди, успевшие распить пару кувшинов домашнего вина, захваченного с собой, принялись распевать песни. Девушки присоединились к ним. Двигаясь в такой приятной атмосфере, все дошли до переправы через неглубокую, но очень быструю и холодную речку.

– Мост какой-то хлипкий, – с сомнением покачала головой Света. – Дидо, ты не мог выбрать другой путь?

- Другого пути нет, – хрипловато отозвался молодой человек.
- Была же дорога через Красную рощу!

– Там случился камнепад, тропу засыпало. На прошлой неделе. – И видя, что Света собирается еще о чем-то спросить, Дидо быстро произнес: – Если не хочешь идти, возвращайся в деревню.

Света насупилась. Они три часа идут, и теперь – назад? Вот еще придумал!

– Света права, – заступилась за подругу Ася. – Мостик в самом деле выглядит не слишком надежно.

Мост представлял собой две веревки, на них лежали доски. Две другие веревки заменяли собой перила.

- Выдержит, если будем переправляться по одному, – сказал Дидо.
- Ты тут сам-то ходил?
- Много раз!

Голос Дидо потеплел, как бывало всякий раз, когда он разговаривал с девушкой.

- Не беспокойся, Асенька. Я же буду рядом.

Ася взглянула на Дидо со сдержанным восторгом.

- Пойдем, я научу тебя, как нужно держаться, – предложил он.
- Хорошо.

Дидо пошел первым, показывая Асе и другим, что путь безопасен. Оказалось, что все очень просто. Нужно сохранять равновесие и двигаться, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Хлипкий мостик раскачивался в такт шагам, но не слишком сильно, если не спешить. Ася благополучно перешла через мост.

Следом за ней переправились Давид, Вася с отцом и еще несколько молодых людей. Дидо командовал, кому за кем идти. Наконец на том берегу остались только дядя Гоги с дочками и два брата – Ваня и Рустам. Рустам и Ваня были братьями по матери, отцы у них были разные. Но парни уродились одинаково крупными.

Каждый из них весил как полтора, а то и как два обычных, среднего роста, мужчины. Их смущение было хорошо понятным.

– Идите же! Кто первый? Рустам? Давай!

Рустам набрал в могучую грудь побольше воздуха и шагнул на мост. Первые же шаги показали, что парень был прав в своих опасениях. Мост дрожал. А веревки натянулись так туго, что, казалось, того и гляди они лопнут.

– Рус-там! Рус-там! – скандировали на другом берегу реки. – Да-вай!

Сначала все шло сносно. Рустаму, казалось, удастся одолеть переправу. Но, когда до противоположного берега было уже рукой подать, мост надрывно заскрипел. Дидо подскочил к мосту, словно мог что-то изменить, и тут одна из веревок лопнула!

– Рустам!

Парень уцепился за кусок веревки, покачался над бегущей водой. До нее был от силы метр. И Рустам решился, отпустил веревку и плюхнулся в воду.

– Утонет!

– Погибнет!

Рустам вынырнул. Около берега, где он свалился, воды ему было по шею. Но быстрое течение могло сбить парня с ног и уволочь за собой. Один раз так и случилось, когда Рустам поскользнулся у самого берега. Тут же он выровнялся, выбрался на сушу и начал сдирать с себя мокрую одежду.

Пока Рустам обсыхал и грелся, перед прочими встал вопрос: как быть с оставшимися на том берегу людьми? Их было четверо.

– Переправиться вброд – нечего и думать! – подал голос Рустам. – Я пробовал, гиблое дело!

– Может быть, обвязать их веревками и тянуть?

Но ни у кого не оказалось подходящей длинной и крепкой веревки. Рустам заявил:

– Они замерзнут и заболеют! Я пробыл в воде совсем недолго, но мне хватило.

Дядя Гоги и его девочки лезть в воду вовсе не хотели.

– Мы пойдем домой, – решил дядя Гоги, но его дочки энергично запротестовали.

В кои-то веки им предстояло интересное приключение! Провести с целой кучей молодых людей весь день. Да еще в необычной обстановке, где общение куда свободнее, чем в деревне. Ася догадывалась, что они сказали отцу. Обе хотели замуж. Раз уж он пошел с ними, то должен что-нибудь придумать.

Дядя Гоги почесал в затылке и заявил, что он знает другую дорогу. Идти по ней несколько дольше, есть там пара таких местечек, где он и сам с трудом пройдет, но это приятнее, чем схлопотать воспаление легких.

Дидо повел группу дальше, дядя Гоги двинулся в обход. Местом встречи назвали Старый Дуб. Это было странное место. Голая поляна и посредине нее – могучее дерево, которому сравнялось не меньше нескольких сотен лет. Когда-то в него попала молния, но дождь успел погасить огонь прежде, чем он уничтожил дерево. Верхушка дерева с тех пор оказалась расщепленной почти надвое.

В округе не было человека, который бы не слышал про это дерево. Слухи ходили самые разные. Якобы тут обитает дух леса. Тех людей и охотников, которые ему не нравятся или, наоборот, слишком нравятся, он приманивает к дереву, не давая им выйти из леса. Некоторые несчастные блуждали вокруг дуба много дней и даже недель, потеряв ориентацию и не в силах противостоять странному, путающему мысли туману.

Местечко было не из самых приятных. Но никто не боялся: был день, их было много, с ними – Дидо, который хорошо знал эти места.

– От Старого Дуба к водопаду идти всего около часа. Правда, по скалам. Но мы справимся.

Вся компания расположилась возле дерева, люди немного перекусили. Дядя Гоги появился через полчаса. Выглядел он красным, злым и потным.

– Ну, Дидо! – ворчал он на главного. – Как только тебя ребята вожаком выбрали! Ты же гор совсем не знаешь!

Дидо проглотил этот укор, предложив всем следовать дальше:

– До водопада уже рукой подать.

Дидо первым направился к скалам, за которыми, как он уверял, находился водопад.

– Куда? – растерялась Света. – Дидо, тут же почти отвесный подъем!

– Я покажу тропку. Проберемся.

Тропинка эта больше бы подошла суслику, кролику или другому столь же маленькому и прыгучему созданию. Чтобы не сорваться, люди обвязались веревками, с большими предосторожностями стали карабкаться вверх.

– Не думала я, что Дидо потащит нас в такой поход! – ворчала Света.

Ася не могла придумать, что ей возразить. Дорога в самом деле была ужасной. А уж этот последний ее отрезок и вовсе был сущим кошмаром!

– А-а-а! – вскрикнула Света, оступившись на камне и едва не полетев вниз.

Ей удалось сохранить равновесие благодаря тому, что Василий вовремя схватил Светлану за шкурку. Держал он ее крепко и уверенно. А что невеста в этот момент больше походила на нашкодившего котенка, его ничуть не волновало.

Василий набросился на Дидо:

– Дурак! Что за дорогу ты выбрал?! Ты же нас всех погубишь!

Дидо не успел ничего сказать в свое оправдание. Наверху послышался какой-то шум.

– Что это?

– Похоже на обвал. Скорее!

После этих слов Дидо все заторопились. Об осторожности никто уже не думал. Люди быстренько забрались в расселину, и вдруг сверху упал первый камень. За ним еще и еще, а потом они понеслись целой лавиной. Сбившись в тесную кучку, люди смотрели на камнепад.

– Осторожней! Берегите головы!

Люди послушно закрыли головы, избежав серьезных травм и увечий. Но синяки и шишки появились почти у всех. Однако не это было самое худшее. Дальнейший путь стал опасным.

– Я не могу повести вас туда без разведки, – развел руками Дидо.

– Так иди и разведай!

– Тогда мы не успеем к водопаду. – Дидо помрачнел. – Мне очень жаль.

Дядя Гоги вспыхнул:

– Жаль ему! Да твой отец со стыда бы сгорел, будь он сейчас с нами!

– Что вы имеете в виду?

– Ты берешься за дело, которого не знаешь! – запальчиво бросил ему дядя Гоги. – Ты в горах – словно младенец в супермаркете!

– Я не виноват, что старая дорога разрушена!

– В горах полно дорог и троп! – продолжал сердиться дядя Гоги. – Просто нужно их знать!

– А вы знаете?

Некоторое время дядя Гоги сердито сопел. Внезапно он решительно произнес:

– Идите за мной. Так и быть, выведу вашу компанию к водопаду. Угостило же меня связаться с толпой сопляков!

Дядя Гоги бодро заковылял вперед. Следом за ним поспешили дочери. А потом все остальные. И он не соврал! Не прошло и четверти часа, как все оказались на чудесной поляне на берегу реки. На противоположной стороне реки, среди скал, искрился водопад, ради которого и было затеяно это нелегкое путешествие.

– Мы пришли! Ура!

Молодые люди кинулись к водопаду купаться. Они прыгали под его сверкающими струями, словно малые дети. Затем приступили к приготовлению мяса. Собрали дров, развели костер, нанизали аппетитные розовые куски свинины на длинные крепкие прутья, которые Дидо выточил из орешника.

Мясо быстро поспело, и все накинулись на него с таким аппетитом, что через несколько минут от него не осталось и следа.

Люди развалились на траве, наслаждаясь сытостью и этим чудесным днем. Одна только Ася выглядела озабоченной.

– Что с тобой? – спросила Света.

– Похоже, дед Дима не ошибся со своим прогнозом. Смотри!

Ася протянула руку в сторону горного хребта. Из-за него, закрывая собой голубое небо, быстро надвигалась черная туча.

– Гроза идет!

Как тут все засуеются! Все знали, настолько это опасно. Крохотные ручейки в один миг превращаются в бушующие потоки. Реки выходят из берегов и, ревя, поглощают все на своем пути. Гроза в горах – это потоп, кошмар, конец света!

– Надо скорее уходить!

Но никуда уйти они не успели. Гроза надвигалась стремительно. Они лишь успели выбрать местечко повыше и посуше, вбить колья и растянуть на них пленку, кем-то предусмотрительно захваченную с собой. Только что она заменяла собой скатерть.

Первые капли дождя ударили о землю, и все полезли под пленку. В следующий миг дождь хлынул сплошной стеной. Асе со Светой только и оставалось, что вместе со всеми беспомощно наблюдать, как вода смывает в реку остатки их пикника. Одноразовую посуду, хлеб и оставшуюся случайно недоеденной колбаску. С собой молодые люди успели захватить только вино и водку и тут же принялись деловито их распивать.

– Налейте и нам с Асей, – подала голос Света. В ответ на укоризненный взгляд жениха она развела руками: – Холодно же!

В самом деле холодало стремительно. Только что светило солнце, стояла сильная жара, было душно. А теперь сырость охватила всех.

Выпив водки, Света немного согрелась и утихла. Она села под самым краем пленки и уныло наблюдала за струями дождя. В середине полиэтилена была прожженная кем-то во время пикника дырка, сквозь нее протекала струйка воды. Тоненькая струйка, но за несколько часов она успела основательно подмыть землю, где устроились люди. Так что они оказались в какой-то каше из жидкой грязи, камней, травы и песка.

Отовсюду капало, подтекало. Было ненамного лучше, чем под самим дождем.

Младшая дочка дяди Гоги не выдержала первой. Промокшая до нитки, она страшно замерзла.

– Папа! – взвизгнула она. – Я так больше не могу! Мне холодно. Водка кончилась. Мы с Тamarой заболеем и умрем!

– Но что я могу?

– Найди выход!

И две великовозрастные девушки залились горячими слезами. Неизвестно, как бы себя повел другой отец на его месте. Все принялись утешать его дочек, и никто не заметил, как дядя Гоги исчез. Заметили это лишь спустя полчаса.

Тамара, старшая, перестала рыдать и, обедев затуманенным взглядом своих спутников, растерянно произнесла:

– А где же папа?

Дочки вновь залились горячими слезами, беспокоясь за отца. Остальные растерянно переводили взгляд друг на друга, не зная, что предпринять.

– И куда понесло этого старого дурака?

– Может быть, отлучился по нужде?

Прошла еще четверть часа, а дядя Гоги так и не появился. Люди встревожились.

– А если ему стало плохо? – Это предположил один из парней, но остальные подняли его на смех.

– Ты не знаешь дядю Гоги! Он в этих горах родился и вырос.

Тамара всхлипнула и подтвердила:

– У дедушки, папиного папы, высоко в горах был маленький домик – сакля. Там они с бабушкой и жили до самой смерти. А папа переехал вниз, женившись на маме.

Все замолчали. Куда пошел дядя Гоги – никто не понимал. От этого им стало еще тревожнее.

– Надо идти, – наконец сказал кто-то из ребят. – Поискать его. Пусть он и хорошо знает горы, но, может быть, он упал? И теперь лежит и не может встать.

Все мужчины, кроме Давида, засобирались. Никаких накидок не было, но зачем они нужны, если все и так уже промокли до нитки? Сначала Давид обиделся, что его не берут с собой. Но Дидо серьезно, как равному, положил руку на плечо мальчика и сказал:

– Кто-то должен остаться с женщинами, чтобы охранять их.

Сказал – как отрезал.

Пришлось Давиду довольствоваться этим объяснением. Ася удивилась, что ее строптивый братишка послушался. Ей самой пришлось бы потратить много сил и, возможно, так и не добиться от Давида послушания.

– Спасибо тебе, – прошептала Ася, обращаясь к Дидо.

Тот в ответ мимолетно улыбнулся и, уходя, приобнял девушку. Асю словно окатило горячей волной. Удивительно: только что у нее буквально все поджилки тряслись от холода – и вдруг в один момент ей стало тепло!

Мужчины ушли, а женщины и Давид в тревоге строили различные предположения, одно другого страшнее.

Примерно через полчаса, когда дождь ослабел, они слышали приближающиеся голоса и различили под дождем темные силуэты.

– Несут!

Тамара выскочила из укрытия и бросилась к отцу, которого несли четверо парней:

– Ему плохо?

Она могла бы и не спрашивать. Голова дяди Гоги была откинута назад. С его безучастного лица струйками стекала вода вперемешку с кровью, сочившейся из-под волос.

– Он ранен?

Никто не произнес ни звука. У Аси тоскливо заныло сердце от этого недоброго молчания.

– Что? – спросила она у Дидо, когда тот вошел. – Что с дядей Гоги?

– Он мертв.

Ася едва удержалась от крика, прижала ко рту руку, расширившимися от охватившего ее ужаса глазами уставилась на труп.

– Что с ним случилось?

– Не знаем. Мы с Костасом нашли его в таком состоянии на берегу реки.

Костас, высокий черноволосый парень с внешностью типичного грека с древних мозаик, кивнул головой:

– Да, он лежал среди камней. Наверное, поскользнулся. Упал, ударился головой и...

Он не договорил: до Тамары дошла наконец страшная правда. Упав на колени прямо в жидкую грязь, она страшно завывала.

– Тамара! Перестань!

Но девушка и не думала униматься. Страшно причитая, она принялась рвать на себе волосы и царапать лицо ногтями.

– Это я! – рыдала она. – Я одна виновата! Это я уговорила папу пойти с нами в горы! Он бы никогда не оставил нас одних! Мы обе виноваты! – И ударив себя кулаками в грудь, Тамара закричала: – Будь проклят тот час, когда я заикнулась папе про этот поход!

Убедившись, что успокоить Тамару не удастся, ребята отошли немного в сторону, оставив сестер возле тела. Предстояло принять нелегкое решение: что же теперь делать?

– Путь домой отрезан, – сказал Дидо. – Там, где мы прошли, сплошной поток из грязи и камней.

– Надо позвонить! – выкрикнул кто-то.

Предложение это вызвало только усмешки.

Высоко в горах можно было связаться только с помощью рации, а ее никто с собой не захватил.

– Придется ждать, пока стихнет дождь.

Ася непроизвольно ахнула:

– Как ждать? Рядом с трупом?! Может быть, послать гонца в деревню?

– Я же тебе объясняю – в горах не пройти, – вздохнул Дидо.

Ася задумалась. Был уже поздний вечер. Ясно, что ночью они ничего предпринять не смогут. Но когда рассветет и дождь, надо надеяться, стихнет, может быть, за ними вышлют спасательную экспедицию?

– Если они утром пройдут, мы тоже к тому времени сумеем, – возразил ей Василий. – Так что нечего на кого-то надеяться. Справимся сами.

Он подошел к безутешно рыдавшей Тамаре. Но вовсе не девушка его интересовала. Василий долго разглядывал труп ее отца, на его лице отражалось все большее смятение. Наконец он поднялся с колен, потрепал Тамару по плечу:

– Держись!

Вернулся к остальным.

– У меня есть для вас очень скверное известие, – озабоченным голосом произнес он.

– Дядя Гоги мертв, мы знаем, – отозвался кто-то.

– Мертв, да. Но дело в том... дело в том, что дядя Гоги погиб не из-за несчастного случая. Его убили!

Под пологом стало очень тихо. Тамара перестала рыдать и прислушалась.

– Убили? – прошептала Света. – Как это?..

– Очень просто. Ударили по голове.

– Кто мог его убить? Тут на много километров вокруг нет ни единой живой души, кроме нашей компании!

Василий хмуро кивнул:

– Вот именно!

Света помертвевшим голосом спросила:

– Ты хочешь сказать, что убил его кто-то из нас?!

Поднялся хор возмущенных голосов:

– Это невозможно!

– Мы все время были вместе!

Но громче всех прозвучал голос Дидо:

– С чего ты вообще решил, что его убили? Объясни!

– Удар был нанесен сверху. Чтобы разбить голову таким образом, дядя Гоги должен был падать отвесно вниз. А там, где его нашли, нет ни достаточно больших камней, ни скал, чтобы он мог с них свалиться, – сказал Василий.

Остальные не поверили Василию и пожелали убедиться в его словах сами. Голову дяди Гоги осмотрели, ощупали. Действительно, удариться таким образом сам он вряд ли мог.

– Убил его кто-то из нас, выходит, так? – пробормотал Давид.

Все молчали, растерянно глядя друг на друга. Признать, что в их тесном кругу появился убийца? В это невозможно было поверить! У Тамары начался очередной приступ истерики, она заверещала:

– Убийца среди нас! Рядом! Он не успокоится, пока не убьет нас всех! Мы обречены!

Дидо влепил ей пощечину. Тамара ненавидящим взглядом уставилась на него:

– Это ты виноват! Ты привел нас сюда!

Дидо пожал плечами, мол, с дурами не разговариваю. Света всхлипывала. Мужчины громко заспорили. Ася молчала. Что толку кричать, размахивать руками, рыдать? Нужно собраться с мыслями и понять, кто и почему убил дядю Гоги. Насколько Ася знала, он жил очень тихо. После смерти жены остался с двумя дочерьми, все свое свободное время посвящал им.

Хотя, возможно, он излишне в этом усердствовал. Никуда не отпускал их одних. Даже в магазин сопровождал дочерей, ревниво, как цербер, поглядывая по сторонам и отпугивая всех молодых людей, встречавшихся им на пути. Парни оставили все попытки познакомиться с его дочками, завидев эту троицу, они поспешно шарахались на другую сторону улицы, уступая дорогу сердитому мужику.

В деревне такая сильная отцовская любовь была предметом постоянных шуток и анекдотов. Ася задумалась: каково же было сестрам? Не сводила ли их с ума постоянная жесткая опека отца? Может быть, в их душах зрел бунт? И – назрел? Старшей дочери уже сравнялось двадцать семь. Младшей скоро двадцать четыре. В Буденовке этот возраст считался для девушек даже не критическим, а катастрофическим. Если девушка не выходила замуж до двадцати двух – двадцати трех лет, рассчитывать ей было уже особо не на что.

Да, сестры вполне могли взбеситься. Отец своим поведением отпугивал от них всех, кто рискнул бы посвататься.

– Опять же деньги, – пробормотала Ася, не обращая внимания на брата, который устроился рядом с ней и внимательно слушал. – С деньгами даже таких дур и уродин кто-нибудь взял бы за себя. А у дяди Гоги, говорят, еще с девяностых годов припрятана тугая кубышка. Жил он скромно... Дочкам могло показаться, что так дальше не пойдет.

Да, девицы оказывались наиболее заинтересованными в смерти своего отца. Звучало это, конечно, чудовищно. Ася никогда бы не решилась озвучить эту мысль, но это сделал за нее простодушный Давид.

– Зря ты реवेशь, тетя Тамара, – спокойно заявил он, глядя на старшую дочь дяди Гоги. – Все равно никто не поверит, что ты и правда горюешь. Ведь это же ты убила своего папу! Ты или твоя сестра!

И он спокойным тоном изложил Асины соображения.

Девушка замерла в ужасе. Болтливый глупый мальчишка!

Тамара попыталась накинуться на Давида с кулаками. Ее удержали. Она проклинала длинный язык Давида и всех врагов своего отца.

– Да будут прокляты эти злые люди, которые не давали ему спокойно жить! – выкрикивала она. – Что им было от него нужно?

Это всех заинтересовало. Кто не давал дяде Гоге жить спокойно?

– Ты что-то знаешь? – потряс Тамару за плечо Василий.

– Отцепитесь от меня! Я отца обожала! Он был самый лучший! Он бы никогда не оставил нас с сестрой!

– В покое, ты имеешь в виду?

– Да он, если хотите знать, очень хотел, чтобы мы с сестрой вышли замуж! Сам нам женихов привозил!

– Откуда?

– Из города!

Женихи из города? Выходит, местные парни были просто недостаточно хороши для дочерей дяди Гоги?

– И что за женихи? – подколола сестер Света. – Что-то о вашей свадьбе никто ничего не слышал! Кто вас возьмет-то? – небрежно кинула она.

– Может быть, мы с сестрой и не красавицы! – огрызнулась Тамара. – Зато не чета всякой там голытьбе, у которых только пять коров да десяток свиней!

Это был камень в Светин огород. Та насупилась:

– Тоже мне богачки! Да у вас у самих всего корова да телка!

– Нам больше и не надо. Молоком обеспечены, а на базар каждую неделю с сыром и сметаной мотаться нам нужды нет. Мы и так все себе купить можем!

Верно, дядя Гоги покупал очень многое из того, без чего местные жители предпочитали обходиться. Что давало лишний повод для сплетен о его богатстве. Тамара заявила, что отец имел весьма порядочную сумму денег, раз местные женихи им не рассматривались. Искал своим уродинам женихов со средствами и с положением?

– Да, папа не хотел, чтобы мы всю жизнь в земле и со скотиной проковырялись! – подтвердила Тамара. – И женихи у нас в городе имеются. Не чета местным!

– Что же ваш отец так долго тянул? – злобно поинтересовалась Света. – Вас того и гляди в бабки запишут, а вы только замуж собрались!

Тамара фыркнула:

– Дура ты! Это в деревне мы считаемся старухами. А в городе мы в самый раз ко двору придемся! Да еще с деньгами!

– И женихи у нас в навозе не ковыряются. Они – интеллигентные люди! – подтвердила ее сестра.

Все недоумевающе переглядывались. Ася припоминала: дядя Гоги недавно хвастался, что скоро он пристроит своих девочек в очень хорошие семьи. В город он своих «красавиц» возил регулярно. Для встреч с женихами?

– Не верю! – буркнула Света. – Вы обе такие страшные, что на вас ни городской, ни деревенский ни в жизнь не позарится!

В ответ сестры возмущенно заголосили на два голоса:

– Это будь мы нищими, вроде некоторых!

– Папа нас обеспечил!

– На всю жизнь хватит!

– И нам, и мужьям, и нашим детям еще останется!

Значит, дядя Гоги был богат? Но откуда большие деньги возьмутся у человека, который всю свою жизнь проработал лесником? Овдовев, он осел дома, но крепкого хозяйства не держал. Не было у дяди Гоги ни кроликов на продажу, ни овец, ни орехов или хурмы. Только себе и дочкам на потребу.

– У папы были огромные деньги! – выдала Тамара.

Вряд ли, будучи в нормальном состоянии, сестры стали бы говорить такое о своем отце. Потому что большие деньги в их поселке можно было заработать только одним способом: контрабандой наркотиков или оружия. Для горцев, знающих потайные тропы в своих горах, этот бизнес стал в беспокойные времена золотой жилой.

Через перевалы Кавказского хребта проводники водили караваны с оружием, медикаментами и деньгами в воевавшую в те годы Чечню. Наркодельцы перевозили свой товар с Ближнего Востока в центральную часть России.

Разумеется, правоохранные органы имели на всех дорогах свои посты. По мере возможности отслеживались и перехватывались караваны дельцов. Но каким-то образом и оружие, и наркотики все равно просачивались мимо стражей. Им помогали местные проводники, знающие все посты наперечет, умеющие их обходить.

А дядя Гоги по долгу службы подолгу находился в горах, знал все тропы. Просто идеальный человек для контрабандистов! Наверняка они ценили его на вес золота. И тем же золотом щедро оплачивали его услуги.

Еще недавно в этих горах было очень беспокойно. При воспоминании о тех страшных годах все почувствовали себя неуютно вдвойне. Дядя Гоги был связан с «черными» торговцами! И теперь его убили, именно тут, в горах!

При этой мысли всем стало откровенно жутко. Дядю Гоги могли убить и его бывшие сообщники – Тамара упомянула каких-то страшных людей, одолевавших в последнее время дядю Гоги своими угрозами.

– Тамара! – затеребил девушку Василий. – Чего хотели те люди? Денег?

– Не знаю! – помотала головой Тамара. – Отец в последнее время стал очень нервным. Твердил, что нам надо уезжать отсюда. Нас с сестрой он хотел выдать замуж. А сам собирался уехать куда-то.

– У преступников должен быть сообщник! – немного подумав, заявил Василий.

– Они могли просто следить за дядей Гоги, – возразила Ася. – И улучив удобный момент, убить его.

– Мы тут все словно в ловушке! – встревожился Рустам.

– А ты-то чего боишься?! – фыркнул Дидо. – Ты в горы раз в год ходишь. Или ты видел, кто убил дядю Гоги?

– Нет, нет! – запротестовал окончательно перепугавшийся Рустам. – Я просто так сказал!

Все ощущали, как томительно бегут минуты. Где-то неподалеку затаились неведомые враги. Кто знает, что еще на уме у этих страшных людей?

– Если они убили дядю Гоги, желая добраться до его денег, то они здорово ошиблись. Все достанется дочкам.

Сестры сжались в комочки и тряслись – то ли от страха, то ли от холода. Дождь закончился. Но двигаться в путь было еще слишком рано. Надо было дожидаться рассвета, земля хоть немного должна была подсохнуть. До тех пор за жизнь и безопасность сестер отвечали их спутники.

– Значит, – пробормотал Рустам, – эти люди могут теперь попытаться их убить? Или похитить их и пытать, чтобы узнать, где спрятаны деньги?

Пожалуй, он сказал это слишком громко. Тамара взвизгнула и упала в обморок. Ее сестра была бледнее самой белой простыни, она мелко мелко дрожала.

Вмешался Дидо.

– Что ты их пугаешь? – свирепо глянул он на Рустама. – Никого больше не убьют! Прекрати трястись!

Тамару привели в чувство. Она открыла глаза и внезапно произнесла:

– Они хотели от папы вовсе не денег. Они хотели, чтобы он снова начал помогать им. Я не знаю имен, но папа сказал, что это очень серьезные люди. А он... больше не хотел этим заниматься. Слишком я уже стар, сказал он. Желаю скончаться в своей постели, в окружении внуков, а не от пули где-нибудь на очередном перевале. Поэтому он и хотел уехать отсюда.

Кое-что прояснилось. Дядю Гоги убили из мести. И еще потому, что он захотел окончательно выйти из опасного бизнеса. Как известно, бандиты никогда не отпускают своих бывших соратников.

– Но как они нашли его?

– Выследили. Бедный дядя Гоги сам пришел к ним в руки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.